

18+

Даг Борн

Красота - страшная сила

«Автор»

2026

Борн Д.

Красота - страшная сила / Д. Борн — «Автор», 2026

После освобождения Марк и Аня начинают обретать силу и выяснять, кто стоит за всеми теми злодеяниями, жертвами которых стали похищенные с Земли люди. Тем временем Сашка и Лера продолжают доказывать жителям Содружества, что способны задать трёпку архам. Появляется Рома, который на деле демонстрирует силу своего духа и что его рано списали со счетов.

© Борн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Доктор перед зеркалом	5
Глава 2. Бегство со Слепого причала	20
Глава 3. Возмездие	36
Глава 4. Молот	56
Глава 5. Держать проход	67
Глава 6. Не быть беспомощными	84
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Даг Борн

Красота - страшная сила

Глава 1. Доктор перед зеркалом

Крейн стоял перед зеркалом уже двадцать минут и ненавидел свое отражение с редкой для себя честностью.

В зеркале был высокий сухой человек в серой медицинской куртке, с узким лицом, острым подбородком и глазами, которые слишком привыкли смотреть на людей как на куски мяса. Куртка была чистой, пальцы тоже, ногти подрезаны ровно, и это раздражало его сильнее всего. На пиратском корабле можно было пахнуть озоном, кровью, маслом, спиртом, потом, но Крейн все равно выглядел так, будто сейчас выйдет читать лекцию студентам, а не проверять свежие мозги в транспортных ящиках.

Он поправил воротник, поморщился и снова опустил руку.

- Татьяна, - сказал он зеркалу. - Вы должны понять...

Фраза прозвучала так плохо, что он даже не успел договорить.

- Нет. "Должны" сразу в мусор. Так говорят надзиратели, а не нормальные люди.

Он прошелся по каюте от стены до стены, обошел низкий стол с медицинской пластиной, задел носком сапога пустую бутылку и зло пнул ее под шкаф. Бутылка звякнула, откатилась и уперлась в стену. Крейн посмотрел на нее с таким видом, будто бутылка тоже подвела его в трудный момент.

Крейн вернулся к зеркалу снова и оглядел себя целиком. На миг он вспомнил себя другого: молодой перспективный лаборант, исследования, грозившие перевернуть научный мир, материалы публикаций из разных миров, которые он и другие лаборанты собирали, объединяли, конспектировали, планировали эксперименты. Они хотели чтобы медкапсула была в каждом человеке внутри, это бы избавило человечество от ситуаций, когда кого-то не довезли до центрального госпиталя с передовым оборудованием. Вспоминал как пришла молодая лаборантка прямо из Центрального Университета Содружества. Как быстро закрутился их роман. Как страстно шли рабочие часы. Как горько было на её похоронах, когда он сидел у её могилы и смотрел в пустоту, долго смотрел - она посто утонула на море. Он продолжал работать, но

в каждой новой странице конспекта видел лишь пропасть и чёрную дыру. Её то он и утопил на дне такой же бутылки, которая сегодня спасла его снова. Его быстро выгнали из лаборатории. Куда было податься умному учёному-медику в столице? На одном из приёмов у знатного человека, куда он явился как врач частной практики ему и предложили новый бизнес. Так он и оказался у пиратов. Здесь он быстро завоевал уважение своими способностями. Но чёрная дыра иногда всплывала со дна бутылки и её приходилось снова там топить. Со временем всё реже и реже, но никогда до конца. И вот он увидел её в клетке для рабов, когда этот пройдоха Марк пытался выторговать себе нормальную жизнь. Ему показалось, что это её клон или сестра, но такого в принципе быть не могло - ДНК никак не совпадало, он проверял! После этого он не мог никак её упустить. Даже если бы кто-то настаивал или предложил хорошую цену, он бы ни за какие деньги её не отдал. Разумеется он снова заглянул на дно бутылки, но теперь понял, что чёрной дыры там нет. Крейн мог бы просто оставить рабыню себе по надуманному поводу. Но не хотел показывать своей слабости другим. Кроме того, рабство было не лучшим способом завоевать сердце Татьяны.

Соседний отсек грохнул. Кто-то из пиратов заржал, потом послышалась ругань и короткий удар по металлу. На корабле давно никто не ходил тихо, если только не собирался кого-нибудь убить. Крейн иногда скучал по университетским коридорам, где люди хотя бы делали вид, что у них есть воспитание. Потом вспоминал, почему его оттуда выгнали, и скука проходила.

Он вернулся к зеркалу.

- Татьяна, я забрал вас на Нергале не потому, что...

Он замолчал.

Потому что что? Потому что она понравилась? Потому что в ней было то раздражающее земное упрямство? Потому что она смотрела на него не как рабыня, не как покупатель и не как коллега, а как человек, который уже знает худшее и все равно ждет, не окажется ли под этим худшим еще что-то живое?

- Чушь, - сказал Крейн.

Зеркало промолчало. Это было одно из его немногих достоинств.

На столе лежала тонкая пластина с отчетом по земной партии. Крейн открыл ее еще утром и с тех пор раз десять закрывал, потому что каждый раз собирался не смотреть. Строки никуда не делись.

Марк. Носитель Лира-17. Пересадка успешна. Адаптация тяжелая. Поведение конфликтное. Дальнейшее наблюдение полезно.

Аня. Без пересадки. Высокая обучаемость. Сопротивление через порядок и речь. Дальнейшее наблюдение полезно.

Лера. Военная база. Дальнейшие записи закрыты военными. Последний открытый след - Костяной причал.

Сашка. Носитель Рута-112. Аграрная планета. Поведение манипулятивное, затем защитное. После нападения архов след уходит к военным.

Татьяна! Не реализована через рынок. Наблюдатель. Статус спорный.

Рудый. Земное имя Роман не подтверждено. Провал боевого симулятора. Мозговой контейнер оставлен на вторичную продажу.

Еще десятки похожих строк. Люди, которых он видел живыми, кричащими, торгующимися, готовыми врать и предавать, лежали в отчете как товарные позиции. Крейн не был ребенком и не собирался изображать внезапную невинность. Он сам много лет писал такие отчеты. Просто раньше каждая строка казалась ему аккуратной работой, а теперь за каждой вспоминался голос.

Он знал, как все это выглядело со стороны. Старый мерзавец вдруг решил пострадать от любви. Дешево, смешно и поздно. Он сам бы такого героя в книге закрыл на третьей странице, а если бы герой продолжал ныть, продал бы его на опыты ради пользы сюжета. Но Татьяну он действительно не продал. На Нергале он мог нажать одну строку в ведомости, и ее увели бы вместе с остальными. Можно было сделать из нее домашнюю служанку, секретаря, спутницу, игрушку для коллекционера с хорошим вкусом. Можно было продать аграфам как редкую земную женщину в возрасте. Можно было отправить в тихий бордель на окраине, если бы она слишком много увидела. Пираты не задавали бы вопросов. Покупатели тем более. Он выбрал другое. Сначала сказал себе: нужен наблюдатель. Потом: пригодится для сверки маршрута. Потом: пусть проследит, как земные ломаются без нейросетей. Потом причины кончились, и осталось простое неприятное слово: захотел!

* * *

Я стояла за дверью и слушала. Замок на двери Крейна я открыла не сама. Я бы не успела. Я просто заметила, что после ночной смены санитар всегда закрывает створку локтем, потому что в одной руке держит еду, в другой - кружку, а третьей руки у него нет, хотя по его манере работать с медкапсулами и первая была лишней. Створка встала в паз, но не дошла до нижнего фиксатора. Датчик показал "закрыто", но защелкивания не произошло.

Мне нравились такие места. В них можно было заглянуть туда, где проявляется истинное лицо и цинизм наших похитителей. Я вошла, когда Крейн ещё смотрел в зеркало и подбирал себе лицо человека, который пытается казаться нормальным. Получалось плохо. Лицо было старое, умное и усталое, но нормальное человеческое выражение на нём на секунду появлялось и снова пропадало.

- Продолжайте, - сказала я. - Мне стало интересно, на какой фразе вы себя окончательно возненавидите.

Крейн резко обернулся.

- Вы вошли без допуска, Татьяна, и на пиратском корабле это обычно заканчивается печально.

- Я вошла через дверь, которую ваш датчик посчитал закрытой, а замок давно просил ремонта. Если у вас такие замки, это не моя дерзость, доктор, а ваша дырка в безопасности. Можете записать мне премию за проверку.

- А вы дерзкая, уже начали что-то требовать со своих же похитителей.

- А с вами расслабляться нельзя. Дашь палец - откусите руку. Вы же людей недавно так красиво обводили вокруг пальца, что они сами не сразу понимали, как тела теряли.

Он посмотрел на нижний край створки. Потом на меня. Потом опять на зеркало, явно ища там подсказку, как разговаривать с женщиной, которую он сначала украл, потом не продал, а теперь пытался чем-то купить.

- Здесь пиратский корабль, Татьяна. За такие привычки иногда стреляют.

- Я видела ваших пиратов. Если они начинают стрелять, сперва пять секунд спорят, кто будет патроны оплачивать.

Его левая бровь дёрнулась. Я это уже знала. Левая бровь выдавала его каждый раз, когда он пытался выглядеть лучше, чем был.

- Садитесь, если пришли разговаривать, а не демонстрировать, что в любой момент можете выйти и оставить меня с зеркалом наедине.

- Я постою именно поэтому: так я помню, где дверь, а вам не приходится изображать хозяина кабинета.

- Вы всегда так разговариваете с человеком, который спас вас?

Вот оно. Он репетировал двадцать минут, а всё равно пришёл туда же. К слову, которым можно было купить себе право на благодарность.

- Вы не спасли, - сказала я. - Вы просто не продали меня в рабство и оставили себе в том же самом статусе. Это у вас так в Содружестве принято подкатывать к незнакомкам?

Крейна это задело. Я видела, что он готовился к моей благодарности или хотя бы к тому, что я не стану смотреть на него с открытой неприязнью.

- Тогда объясните, зачем вы пришли именно сейчас, пока я ещё не решил, звать охрану или делать вид, что ничего не произошло.

- За ответами, которые вы выдаёте только тогда, когда злитесь, оправдываетесь или пытаетесь доказать, что я неправильно задаю вопрос.

- Все за ними приходят. Обычно уходят с новыми вопросами или проблемами.

- Мне пожалуйста без проблем, их и так хватает, как и вопросов.

Он отошёл от зеркала и сделал то, что делал всегда, когда хотел вернуть себе власть: встал у стола. Там лежали его рабочие инструменты. Всё разложено аккуратно, с врачебной чистотой. Он наконец сказал:

- Татьяна. Простите меня пожалуйста за прямоту. Но я действительно не знаю, как сказать то, что хочу.

Он замолчал и несколько секунд не мог выдать ни слова.

- Продолжайте, - сказала я, - вы взрослый человек, хоть и торгуете людьми, а не можете выдавить и слова, когда нужно.

- Мне нужны именно вы, - выдавил он после паузы. - Не в постель, не как красивая служанка и не как рабыня под рукой. Этого здесь сколько угодно, и вы это сами понимаете. Мне нужно, чтобы вы смотрели на меня не только как на мясника. Да, звучит мерзко после всего, что я делал, но я правда не хочу быть для вас только человеком, который режет людей и продаёт их.

Я задумалась. Такой поворот выбил меня из равновесия, потому что не укладывался в простую картину: здесь похитители, а здесь свои. Я уже давно начала заходить к Крейну после аукциона на Нергале, но к такому была не готова.

- И чего вы от меня хотите? Чтобы я улыбалась вашим цветам, ходила с вами в ресторан и делала вид, что мы знакомимся на прогулке? Вы понимаете, что любой из нас, похищенных землян, разорвал бы вас голыми руками, если бы на нас не было ошейников?

- Понимаю, - сказал он. - И прощения просить не буду, потому что это было бы слишком удобно для меня. Я хочу хотя бы шанс, чтобы вы увидели во мне не только доктора с ножом.

- Вы хотите найти оправдание?

- Я хочу договориться. Я не могу без вас жить. То, что было раньше, жизнью можно назвать только с натяжкой. Поэтому прошу именно об этом - человеческого отношения.

- Хорошо. Выбор у меня, конечно, шикарный: или сидеть в клетке, или торговаться с похитителем. Значит, будем торговаться. Вы хотите моего человеческого отношения, а мне нужны данные, доступ к личному терминалу и связь.

Крейн выдохнул облегчённо. По нему было видно, что он ждал худшего, и теперь готов был пойти хоть на какой-то компромисс.

- Что именно?

- Личный терминал, сеть и всё, что вы знаете о земных рабах. Не только про нашу партию. Про старые партии тоже. Кто покупал, куда везли, какие были проверки после продажи, кто из ваших людей оформлял документы и с кем можно связаться.

- Вы просите меня самому выкопать яму нам двоим.

- Нет, я прошу вас наконец-то сделать полезное дело и придумать, как это прикрыть. Придумайте сами как это всё проверить. Вы доктор, вот и врите медицинским языком.

- Ладно, - сказал он. - Но всё, что найдёте в сети или после общения с рабами, вы показываете мне. Не потом, не выборочно, а сразу.

- Договорились. Только помните: это сделка, а не свидание.

Мы пожали руки. Обнять меня я позволила на секунду, только чтобы он понял: сделка есть, но доверия нет.

* * *

Как только нас поместили в клетку, мой мир перевернулся с ног на голову. Я - взрослая адекватная женщина почётной профессии учителя и на любые рассказы про пришельцев, звёздные миры и потустороннее я реагировала одинаково: давала телефон знакомого психиатра. Попав в клетку звёздного корабля Крейна, я хотела сделать то же самое, но делать это пришлось бы двухметровому орку с бластером на поясе и маскировочной голограммой у лица. Для того чтобы принять новый статус, пришлось перешагнуть через огромный пласт своего мировоззрения, на котором жирными буквами было написано слово "адекватность". Орк с бластером, чужие тела, рабские ошейники, учителя по адаптации, новые имена и люди, которые вчера были землянами, а сегодня учились ходить, одеваться и говорить тонким голосом, были слишком реальны.

Сначала я просто наблюдала. Пираты говорили у дверей, учителя по адаптации обсуждали "сложных" рабов, техники спорили об оборудовании и камерах, а люди в новых телах учились заново пользоваться руками, голосом, одеждой и лицом. Одни ломались быстро, другие пытались торговаться, третьи цеплялись за злость, как Марк. Общим было одно: всё записывалось. Камеры смотрели в коридоры, учебные комнаты, медицинские отсеки и даже туда, где человек должен был бы иметь право хотя бы пореветь без зрителей.

Это не походило на обычный компромат. Для шантажа хватило бы пары кадров, для продажи - красивого ролика из комнаты Уровня 10, а они снимали всё подряд: страх, крики, торг, адаптацию, первые шаги, ошибки, драки, попытки договориться, реакцию на боль, реакцию на заботу и реакцию на унижение. Значит, кто-то продавал людей и одновременно изучал, что с ними происходит во время и после продажи.

Поэтому я попросила всех, с кем могла говорить без лишних ушей, запоминать любую мелочь: куда их везли, кто оформлял документы, какие слова повторяли врачи, что говорили покупатели, где стояли камеры, какие номера были на ящиках и капсулах. Я выпросила у Крейна личный терминал под видом дневника адаптации и стала складывать туда всё, что удавалось достать. Его отношение ко мне я всё ещё не понимала до конца, но пока его болезненная привязанность давала мне доступ, этим доступом надо было пользоваться.

Потом Марк и Аня принесли Уровень 10: материалы Ардена и дома Рен. И у моих наблюдений появились первые настоящие имена. Вопросов стало больше, но теперь у них хотя бы были реальные основания: дворяне давали деньги, цепочки перепродаж проходили через частные фонды, за всем наблюдали те, кому были нужны не только тела, но и поведение людей в новых телах. Куда и к кому пересылаются эти данные?

Крейн считал, что я оттаю, если меня не запирают и не грубят. Поэтому у меня не было ошейника, но я бы и так не сбежала: враг находился рядом, тут же лежали его данные, к которым на свободе было бы тяжело получить доступ. Были закрытые двери, разрешенные отсеки, личный терминал под его контролем, прогулки с санитаром в десяти шагах и право сидеть в ресторане на станции. Он дарил цветы, водил меня к окнам с видом на доки и давал читать безопасные архивы, где половина строк была закрашена, а вторая половина врал вежливым языком.

После встречи на Слепом причале я вернулась на корабль Крейна с двумя носителями во внутреннем кармане и с таким лицом, какое бывает у человека, который несёт не улику, а маленький пожар. Я успела закрыться в каюте, сделать две копии архива Марка и Ани, спрятать одну в обшивку под санитарным шкафом, вторую оставить при себе, а для Крейна подготовить отдельный носитель с урезанной частью данных. В таких местах спасает не смелость, а обычная привычка делать копии, пока руки ещё слушаются. Потом я начала собирать данные в сетевом хранилище в галанете, когда научилась им пользоваться.

Вызов от Крейна пришёл через шесть минут после того, как я выключила считыватель.

- Татьяна, зайдите ко мне, пожалуйста, - сказал он. - Нам нужно обсудить вашу прогулку, пока мне не пришлось обсуждать её с людьми, которые предпочитают другие методы "обсуждения".

- Если вы хотели сказать, что следили за мной, можно было обойтись без прелюдий, - ответила я.

- Я не следил за вами, я считал время, потому что вы ушли на двадцать минут, вернулись через сорок три, а в промежутке на станции дважды поднимали запрос по двум беглянкам с рейдера дома Рен.

- Поздравляю, доктор, вы только что объяснили разницу между слежкой и тревогой так, что она стала ещё тоньше.

Крейн любил спорить, любил поправлять, любил доказывать, что собеседник не понимает местных правил. Когда он молчал, значит, внутри него уже спорили несколько голосов, и ни один не мог быстро победить.

Людей в отсеке не было: только закрытые капсулы, погашенные панели и длинный стол с хирургическими держателями, от которых всегда хотелось держаться на шаг дальше. Крейн дождался, пока дверь встанет на внутренний замок, и только тогда посмотрел на меня. Он не спрашивал, видела ли я Марка и Аню. Он уже знал. Вопрос стоял глубже: вернулась ли я сама, потому что выбрала вернуться, или потому что не смогла уйти дальше.

- Вы принесли отчёт по нашей сделке? - спросил он. - Вы обещали обсуждать со мной всё, что найдёте.

Я положила на стол носитель с урезанной копией - всё то успела подчистить.

- Я принесла часть отчёта и часть вопросов. Полный архив пока останется у меня, потому что у нас с вами договор, а не дружба.

- По договору вы должны были рассказывать всё без утайки.

- По вашей версии договора я всё ещё хожу по кораблю без ошейника только потому, что вы так решили. Когда у меня появится дверь, которую вы не можете открыть своим допуском, мы поговорим о равных условиях.

Он взял носитель, но не вставил его в считыватель. Пальцы у него были чистые, длинные, врачебные. Такими руками удобно спасать человека и удобно разбирать его на части, а разница часто держится на одном решении.

- Марк жив? - спросил Крейн наконец.

- Жив. Шутит так, что хочется ударить его чашкой, значит, состояние тяжёлое, но стабильное.

Левая бровь у Крейна дёрнулась, и я впервые за день почти улыбнулась. Потом он спросил тише:

- Аня тоже цела, или вы сейчас начнёте выбирать слова?

- Аня слушает и запоминает, Марк болтает и мужика строит. Если они выживут, то во многом из-за неё.

Крейн вставил носитель в считыватель. Над столом открылись папки: Уровень 10, Арден, дом Рен, корабельные журналы, фрагменты записей, списки рабов и тел жертв. Я оставила ему достаточно, чтобы он увидел масштаб трагедии, и убрала достаточно, чтобы он не мог одним движением закрыть мне всю работу.

Он читал быстро. Сначала как врач, потом как человек, который узнает знакомые ошибки, потом как человек, которому хочется выключить экран и сказать, что это не его дело.

- Рены идиоты, - сказал он. - Хранить такое на рейдере могли только люди, которые слишком привыкли, что закон всегда стоит с их стороны.

- Из всего архива вы первым делом заметили, что преступники плохо спрятали преступление.

- Потому что хорошо спрятанное преступление вас бы уже убило, Татьяна. Я не оправдываю Ренов, я пытаюсь понять, почему вы ещё живы после встречи с их архивом.

- Может быть, потому что Марк и Аня успели сбежать раньше, чем ваши умники поняли, что потеряли. Такие истории наверняка всплывали и раньше. Только их либо быстро гасили, либо сводили к одному удобному преступнику. Никто не собирал всё в одну схему. А теперь два дворянина мертвы, и организаторам даже проще сказать: это была обычная драка на корабле.

- Не называйте их моими, - сказал Крейн. - Я ем с ними из одной грязной кухни, но за один стол не сажусь. Рены после такого не успокоятся. Они захотят убрать следы, свидетелей и всех, кто прочитал лишнее. Если Марк и Аня распорядятся архивом умно, у них ещё есть шанс.

- Я уверена, что выкарабкаются, если Марк не начнёт снова быковать направо и налево.

- Вы думаете, архивы Ардена и Ренов объясняют всё, - сказал Крейн. - Нет. Это только нижний этаж. Арден собирал грязь, Рены поставляли материал, пираты брали деньги за живой товар и не спрашивали, что будет дальше. А записи, которые вас тревожат, уходили выше.

- Куда именно выше, если нижний этаж уже выглядит как готовое обвинение? Кто есть выше дворян?

- Туда, где не пишут "пытать" и "снимать". Там пишут мягче: "наблюдение продолжить". А дальше каждый мелкий мерзавец сам понимает, как угодить.

- Вы сейчас говорите про того, кто такой приказ присылает? Ваш король, сенат Содружества, аграфы, орки, искин, кто-то из закрытых служб?

- Эти слова лучше не произносить так спокойно, - сказал Крейн. - Особенно в комнате, где половина приборов могут быть скомпрометированы.

- Значит, я попала глубже, чем думала, и вы давно это понимали.

- Вы попали давно, просто теперь начали понимать, насколько глубоко.

Мне очень не хотелось показывать ему, как сильно эта фраза удивила. Я пришла с архивом и вопросами, а услышала, что мои вопросы только подтвердили чужое наблюдение. Где-то наверху кто-то смотрел не на рынок и не на сделки, а на нас самих: на Марка, который лезет в драку, на Аню, которая держит себя за горло, чтобы не рассыпаться, на Сашку и Леру, о

которых у меня пока были только обрывки, на Рому, исчезнувшего в военных заявках, и на меня, которой дали терминал, цветы и доктора с пустотой внутри, чтобы посмотреть, что я сделаю с таким ключом.

- Вы знаете, кто именно смотрит? - спросила я.

- Этого я не знаю; если бы знал, вы бы сейчас увидели на моём лице не усталость, а страх. За такие имена убивают быстрее, чем человек успевает ими воспользоваться. Я лишь вычистил свой кабинет от всего, что может нас выдать. И старался, чтобы наше с вами сотрудничество не просочилось куда не надо. Этого мало, но хоть что-то.

- Тогда дайте мне то, что знаете: контакты, маршруты, людей, через которых пираты получают "желательные наблюдения", и все странные распоряжения по нашей партии.

- Если я дам вам всё сразу, вы начнёте дёргать нитки так явно, что наверху проснутся даже те, кто притворялся, что их нет. Работайте своим способом, я вижу что он и так работает. Как знать, может у вас что-то и получится.

- Я учитель, доктор. У нас половина работы состоит в том, чтобы дёргать нитки у людей, которые уверены, что взрослый ничего не заметит.

- Вы понимаете, что я не герой подполья? - сказал Крейн. - Я не копил доказательства, не готовил восстание и не ждал женщину с Земли, которая объяснит мне, что я двадцать лет был сволочью. Я увидел вас в клетке и не смог отдать. Вот и вся моя героическая биография.

- Почему именно не смогли, если раньше отдавали людей пачками и называли это работой?

Он открыл рот, закрыл, посмотрел на зеркало на стене медотсека и отвернулся.

- Когда вы ушли сегодня на причал, я стоял у шлюза и держал палец на вызове санитарной группы. Достаточно было нажать, и вас бы нашли, вернули, заперли в мягкую комнату, а я потом объяснил бы себе, что спас вас от людей со станции.

- Тогда почему не нажали, если вам было так страшно?

- Потому что вы бы посмотрели на меня так, что я снова стал бы для вас только похитителем, и я понял, что боюсь этого больше, чем вашего побега.

Он сказал это почти спокойно, но пальцы на краю стола побелели. Вот здесь я впервые увидела не репетицию перед зеркалом, не ухаживание цветами. Он действительно стоял между двумя страхами и выбрал тот, где я могла уйти от него.

- Это не любовь, доктор, - сказала я. - Это зависимость. Вы меня толком не знали, когда уже всё решили за нас обоих. Вы придумали себе образ, привязали его ко мне и теперь держите не меня даже, а свою последнюю подпорку.

- Возможно, я врач, но плохой пациент, Танечка, особенно когда диагноз касается меня.

- Не шутите. Вам помощь нужна уже двадцать лет.

Он кивнул и наконец открыл старый закрытый архив. Рядом с несколькими номерами были пометки Крейна, сделанные не сегодня: "слишком подробная съёмка", "запрос пришёл до продажи", "наблюдатель не указан", "пересылка в чистый канал".

- Вы уже подозревали что-то и всё равно молчали, - сказала я.

- Подстраховывался, - сказал он. - У меня опасная работа. Если меня захотят убрать или обмануть, я должен чем-то отвечать.

- Тогда начнём с простого. Снимите мне копию этих закрытых пометок, всё, что связано с нашей партией. Без ваших выводов. Только сырые строки.

- Это будет явная помощь, и её потом трудно будет назвать случайной ошибкой.

- Назовите это выполнением нашего договора. Вы же сами потребовали, чтобы я всё показывала вам без утайки, а договор в одну сторону называется не договором, а трюком. С моими материалами это будет нашей общей страховкой.

Крейн поморщился, но начал собирать пакет. Я стояла рядом и читала каждую строку, пока он не устал от моего дыхания над плечом и не сказал:

- Если вы будете проверять каждую букву, пакет уйдёт к вам примерно к старости Марка. А его новое тело, знаете ли, живёт долго и не стареет - модель со сроком годности. Не понимаю, чему он так расстроился.

- Вы сами то почему в такое не сели? - с ехидством проронила я.

- Я же мужчина всё-таки. Настанет время и я пересяду в себя молодого. Одни раз такое возможно и многие пользуются. Я вот своё тело уже заказал, - с гордостью произнёс док.

- Ушлые вы тут ребята, - заключила я.

Крейн выдал мне доступ к своей базе данных. Вот так просто, потому что понимал, что простая учительница с Земли врят ли представляет опасность для сильных Содружества.

* * *

Я хотела ответить, но в медотсеке пискнул вызов с другого канала связи. Крейн посмотрел на значок и изменился лицом так быстро, что я сразу поняла: пришло не сообщение, а что-то важное.

- Что там пришло, доктор? - спросила я.

- Запрос на сделку, выкуп по рыночной цене.

Он прочитал пакет, закрыл, снова открыл, вывел рядом мой медицинский статус и долго смотрел на две строки. В первой было написано "временное удержание по медицинским основаниям". Во второй - "срок основания истек". Под ними мигала заявка на передачу актива покупателю с оплатой по рыночной цене в долю команды.

Я не почувствовала страха сразу. Сначала пришла злость, очень чистая и простая. Вчера меня называли пациенткой, сегодня активом, завтра могли бы назвать подарком, грузом или редкой земной самкой, и все эти слова нужны были только для того, чтобы не произносить слово "человек".

- Меня снова продают, правильно я поняла? - спросила я.

- Пытаются оформить передачу так, чтобы всё выглядело законно и спокойно.

- Не украшайте. Меня продают, а вам прислали красивую бумажку, чтобы вы поставили подпись и потом могли ненавидеть себя.

Крейн положил ладонь на стилус. Потом убрал. Потом открыл медицинский журнал, нашёл карантинную форму, закрыл её, открыл личный счёт, снова закрыл, вызвал капитанский канал и не нажал отправку. Он двигался быстро, почти зло, но каждое движение возвращало его к одному и тому же месту: чтобы меня удержать, надо было либо соврать в журнале, либо купить меня у команды, либо запереть ещё сильнее, чем раньше.

Я смотрела и думала, что сейчас как раз и видно, чего стоят его слова. Цветы ничего не стоили. Ресторан стоил немного. Терминал стоил риска, но риск был аккуратный, спрятанный под медицинские причины. А тут надо было выбрать так, чтобы это увидели все: капитан, команда, покупатель, те самые чистые каналы и я.

- Если вы хотите сказать, что ничего не можете сделать, говорите сейчас, - сказала я. - Не растягивайте это на десять умных объяснений.

- Могу, - ответил он, не отрываясь от экрана. - И каждый вариант мерзкий. Запру вас карантинном - вы снова пленница из-за меня. Выкуплю у команды - вы правы, я вас купил. Выпущу на станцию - вас там сожрут за час. Подпишу передачу - останусь живым, полезным и пустым.

- Последний вариант звучит самым привычным.

- Поэтому я его сегодня и не выбираю. С меня хватит.

В дверь ударили кулаком так, что панель жалобно звякнула в пазах.

- Док, открывай, - сказал снаружи старший по смене. - К нам пришли за твоей училкой, и капитан велел не устраивать цирк в коридоре.

Крейн провёл ладонью над панелью, но не открыл сразу. Сначала он убрал с видимого экрана мой рабочий архив, оставил только медицинскую форму и пустой журнал процедуры. Получалось, что нас тут было двое, разговоров не было, а всё важное существовало только в его голове и в моём кармане.

Дверь открылась. В медотсек вошли трое: старший по смене с бритой головой и имплантом вместо уха, худой агент в тёмном дорожном костюме и охранник с транспортным браслетом. Агент улыбался вежливо, как человек, который привык приходить за людьми и получать подписи быстрее, чем они успевают поторговаться.

- Доктор Крейн, ваш срок медицинского удержания истек, покупатель оплатил передачу землянки, капитан согласовал долю команды, и нам осталось только закрыть процедуру без лишнего шума.

- Вы пришли в мой медотсек и уже начали с лишнего шума, - сказал Крейн. - Это плохой старт для человека, который хочет уйти на своих ногах.

Старший по смене дёрнул щекой, и стало видно, что вежливой частью разговор почти исчерпан.

- Док, без спектакля. Команда видела сумму. За неё можно закрыть половину старых долгов, купить нормальные щиты и ещё неделю пить не ту дрянь, которой нас травит камбуз. Ты подержал бабу при себе, поигрался с ней, а теперь хватит.

Крейн взял стилус. Я увидела, как его большой палец лёг на кнопку подтверждения, и на секунду в груди стало пусто. Он мог сделать это одним нажатием. Подписать, объяснить, развести руками, потом пить у зеркала и говорить себе, что его вынудили.

Стилус хрустнул у него в пальцах негромко, переламываясь пополам, но в медотсеке все услышали.

- Передачи не будет, и этот документ вы сейчас уберете со стола, - сказал он.

Агент перестал улыбаться, потому что теперь перед ним был не странный доктор, а срыв оплаченной сделки.

- На каком основании вы собираетесь сорвать согласованную передачу?

- На моём медицинском отказе и на том, что я выкупаю долю команды сам, - сказал Крейн. - А если вы сделаете ещё шаг к Татьяне, я вскрою ваш транспортный браслет прямо на руке и оформлю попытку кражи пациентки с неизвестными болезнями с Земли. Вы будете на карантине вечно лечиться от сифилиса. Пакость, знаете ли, гадкая даже у нас.

- Она не пациентка, и вы прекрасно понимаете, что это обычная фикция.

- В моём медотсеке пациентом становится любой, до кого я дотянулся. Некоторым после этого даже везёт выжить.

Старший по смене шагнул вперёд, и Крейн даже не повысил голос:

- Грат, у тебя имплант уха держится на моей прошивке после Змеинового рейда. Ещё один шаг, и в твоём профиле появится такая история с приступами, что тебя будут пускать к оружию только в рабском ошейнике.

- Ты совсем рехнулся башкой из-за земной бабы?

- Рехнулся я давно, Грат. Сейчас не мешай мне работать.

Капитан вышел на экран сам, не дожидаясь вызова. Лицо у него было сонное, злое и слишком трезвое для человека, которого подняли из каюты ради спора о деньгах.

- Крейн, скажи мне, что ты не ломаешь сделку на сумму, которую уже успела поделить вся команда.

- Я ломаю сделку на сумму, которую вся команда успела поделить раньше, чем спросила врача, можно ли вообще выводить объект из медотсека.

- Не прячься за словами, док. Ты хочешь оставить женщину себе.

Крейн посмотрел на меня. В этом взгляде было столько стыда, что на секунду он показался почти живым.

- Хочу, - сказал он. - И именно поэтому вы спишете её цену с меня, а не будете делать вид, что вам дорог доктор, который не раз вытаскивал вас с того света.

В коридоре стало тихо, и эта тишина давила сильнее ругани: за дверью люди считали деньги, но никто уже не хотел первым проверять, насколько далеко доктор готов зайти.

- Повтори это при команде, док, чтобы потом никто не говорил, что я тебя неправильно понял.

- Спишите цену с моей доли, с премий за операции, с долга после Змеинового рейда и с третьего сейфа препаратов, который я наполнил сам и не давал без острой необходимости,

и который вы давно хотите открыть без меня, я не люблю наркоту. Команда получит деньги, агент получит отказ, а покупателю напишете его любимым языком: актив снят с передачи по внутреннему выкупу и медицинскому риску.

- Ты её покупаешь и хочешь, чтобы я назвал это медицинским решением?

- Я закрываю перед вами дверь, капитан. Если вам удобнее слово "покупаю", говорите его у себя в каюте, но не при ней.

- Команда решит, что ты держишь нас за горло.

- Команда вспомнит, когда в следующий раз принесёт ко мне человека без руки и попросит пришить её той стороной, которой удобно стрелять.

Капитан долго смотрел на него, потом перевёл взгляд на старшего по смене.

- Агенту отказать. Деньги списать с доктора, сейф опечатать до оценки, в медотсек без допуска не лезть. Если кто-то решил поднять бунт из-за дорогой училки, пусть сначала сам себе удалит аппендикс кухонным ножом.

Экран погас. Агент медленно убрал договор, но уходить сразу не стал.

- Покупатель не любит, когда у него забирают оплаченные вещи.

- Пусть учится взрослой жизни, - ответил Крейн. - Она вообще полна разочарований.

Грат задержался в дверях и посмотрел на меня с явной мыслью, что это я только что вытащила деньги из его кармана.

- Думаешь, она после этого тебя полюбит, док?

Крейн не сразу ответил. Он смотрел не на Грата, а на сломанный стилус в своей руке.

- Нет, но её не увезут, и большего я сегодня от себя уже не жду.

- Тогда ты редкий дурак, потому что за такие деньги можно купить андроида с полной копией человека, и он будет любить тебя искреннее и нежнее, - он усмехнулся.

- Запишу это как мнение пациента с тягой к андроидам.

* * *

Когда дверь закрылась, медотсек ещё несколько секунд был слишком тихим. Я осталась у стола, Крейн сел на край медицинской кушетки и только тогда позволил рукам дрожать. До этого он держался на злости, расчёте и страхе потерять лицо. Когда за дверью стихли шаги, всё это посыпалось с него, как плохо закрепленная броня. Я подошла к нему и взяла его за обе руки, чтобы унять дрожь.

- Не ждите благодарности, - сказала я.

- Благодарности я как раз не ждал. После сегодняшнего это было бы уже совсем смешно.

- Вы меня не освободили. Вы заплатили команде, чтобы меня не забрали другие.

- Да. И я не буду притворяться, что это свобода.

Он сказал это без защиты, и такой ответ выбил у меня из-под ног злость к нему. Если бы он начал оправдываться, я бы разнесла его в разговоре за минуту и ушла спокойнее. Но он не спорил.

- Значит, я была права. Вы считаете меня своей.

- Я хочу считать вас своей, - сказал Крейн. - Вот в этом вся мерзость ситуации. Я понимаю, что не имею права, понимаю, что вы от этого будете ненавидеть меня сильнее, и всё равно, когда они пришли с договором, я не смог поставить подпись.

- Потому что любите меня или потому что не можете потерять удобную причину не смотреть в зеркало?

- Потому что без вас я снова останусь с зеркалом, бутылкой и работой, после которой нормальные доктора не смотрят себе на руки. Если это любовь, она кривая. Если болезнь, то хоть раз она заставила меня сделать не то, что приказали.

Я долго смотрела на него и думала, что красивое чувство в книгах обычно узнают по правильным словам, а здесь правильных слов не было вообще. Был старый врач-пират, который торговал людьми, врал себе двадцать лет, хотел моего внимания как лекарства от алкоголизма,

а когда за мной пришли, не смог отдать даже ценой денег, положения и спокойной жизни на корабле. Это не делало его хорошим. Это делало его живым.

- Повторите это вслух, - сказала я.

- Что именно вы хотите услышать сейчас?

- Что я не ваша. Не актив, не пациентка, не награда за внезапную совесть. Скажите это вслух, доктор. Мне нужно понять, что вы хотя бы видите черту, через которую уже лезете.

Крейн поднял глаза, и в них снова появилось то тяжёлое упрямство, из-за которого он только что разорвал сделку.

- Татьяна, вы не вещь и не моя собственность. Я не имею права держать вас, покупать вас, спасать ради благодарности и требовать, чтобы вы смотрели на меня иначе. Но если за вами снова придут с договором, я опять встану в дверях.

- Всё ещё пахнет собственностью, но уже хотя бы честнее.

- Тогда возьмите это, чтобы мои слова хоть чего-то стоили.

Он снял с шеи тонкую медицинскую пластину и положил передо мной. На вид обычный допуск, потертый по краям, без украшений.

- Что это за допуск, и почему вы отдаете его мне только сейчас?

- Старый аварийный ключ. Откроет санитарный шлюз, медсклад и проход к ремонтному коридору. Прямо на станцию не выведет, но если за вами придут раньше меня, вы сможете уйти из каюты и спрятаться там, куда их допуски не открывают двери.

- Вы отдаете мне ключ, которым я могу сбежать от вас?

- Я отдаю вам ключ, чтобы вы не оказались в руках тех, кто придёт быстрее меня. Не делайте из этого красивый жест, а то я ещё начну себе нравиться.

Я взяла пластину. Вот это было важнее цветов, ресторанов и дорогого выкупа. Заплатить за меня он мог из желания владеть. Угрожать команде мог из гордости. А ключ давал мне маленький кусок воли, который не требовал улыбаться в ответ.

- Данные по закрытым заявкам у меня? - спросила я.

- У вас копия. Если её найдут, вас не будут долго спрашивать, кто дал доступ, а просто убьют.

- Марк и Аня успеют уйти с причала, пока их не перехватят?

- Если Марк не решит проверять каждый тёмный переулок лбом, у них есть шанс.

- Тогда я пойду работать с архивом Ардена.

Крейн хотел что-то сказать, но остановился. Может быть, хотел попросить меня остаться, может быть, извиниться, может быть, снова испортить всё фразой про заботу. В этот раз он промолчал, и правильно сделал.

В каюте я закрыла дверь, проверила обе копии архива и спрятала медицинскую пластину так, чтобы её можно было достать одной рукой. Потом открыла рабочий файл и записала:

"Крейн сорвал передачу, оплатил долю команды, вскрыл личный интерес перед капитаном. Мотивы: зависимость, вина, страх потери контроля, возможно любовь. Использовать осторожно и полностью не доверять".

Ниже я добавила вторую строку, уже без попытки смягчить формулировку:

"Марк и Аня живы. Уровень 10 существует. Закрытые заявки Крейна получены. Наблюдение шире рынка. Ищем не только хозяина сделки, а того, кто смотрит".

Я посидела над последней строкой, пока руки наконец начали дрожать. Любовью это называть было рано и опасно. Но теперь я знала точно: если за мной придут снова, Крейн не отдаст меня без боя, а значит, у меня есть время, доступ и человек, которого можно заставить идти дальше, чем он сам о себе думал.

Глава 2. Бегство со Слепого причала

Татьяна сказала просто: пульей в док, на рейдер и прыжок подальше отсюда. На нормальной станции такая фраза звучала бы как паника. На Слепом причале она звучала как инструкция от человека, который уже успел понять местные правила и не собирался тратить наше время на длинные объяснения. Чистка корабля от родовых меток Ренов, ремонт и пополнение боезапаса - на эт оне было времени, нас уже идут брать.

Мы вышли из "Сухого воздуха" за три минуты до того, как в бар вошли новые охотники, и сразу пошли к доковым лифтам. Я шёл первым и пытался не оглядываться каждые три шага. Получалось плохо. После Нергала, Ардена и рейдера Ренов у меня появилась новая привычка: в любом случайном прохожем видеть человека, который сейчас остановится и начнёт докапываться, схватит за волосы, шлепнет по чему попало или выплюнет шуточку в мой адрес. Хотя это сейчас было бы меньшим из зол.

- Не дёргай плечом, - тихо сказала Аня.

- Я не дёргаю.

- Дёргаешь. Ты так делал перед дракой на "Авроре". Потом ещё говорил, что простоправляешь волосы.

- Сейчас это не драка, а борьба за выживание.

- Вот именно. Поэтому перестань выглядеть как человек, который ищет, кого ударить, или кто его ударит.

Я хотел ответить, что я вообще-то ишу, куда бежать в случае чего, но промолчал. После всего случившегося Аня считала моё умение вовремя закрыть рот большим прогрессом, и я не хотел портить ей статистику. Я выдохнул и переключился с людей на окружающую обстановку. Вокруг были раздвижные двери, камеры наблюдения, лифты, пятна ремонта, свежие кабели, старые вентиляционные решётки, прочие места, где маленькая Лира могла пройти быстрее прежнего Марка.

Слепой причал был собран из старых грузовых секций, пристроенных переходов и коридоров, которые явно прорезали уже после запуска станции. Витрины предлагали импланты без регистрации, поддельные документы, ремонт ошейников и врачей, которые обещали не задавать вопросов, если заплатить до процедуры.

У одного бокового коридора я увидел девушку с огромными глазами, собранную по чужой моде, где нормальное лицо считали скучным. Рядом с ней стоял мужчина в дорогом сером плаще и объяснял кому-то:

- Девочка сама пришла, контракт есть, семья получила аванс, мы только закрываем транспортный вопрос.

Девочка смотрела в пол, на её шее был рабский ошейник. Аня взяла меня за локоть раньше, чем я успел остановиться.

- Не сейчас.

- Она же...

- Да. И если ты сейчас полезешь, нас возьмут рядом с ней, а её уведут через другой выход.

- Значит, просто идём мимо?

- Мы не идём мимо, Марк. Мы запоминаем лицо, номер секции и людей рядом. Ты хочешь спасти одну прямо сейчас и потерять всех. Я хочу хотя бы шанс вернуться с головой на плечах.

Я стиснул зубы и пошёл дальше, хотя меня тянуло вернуться, схватить серого плаща за ворот и устроить драку прямо у бокового коридора. Старый Марк назвал бы отступление слабостью. Теперь я видел, что нас просто возьмут рядом с этой девочкой, если я полезу на рожон.

За нами шли не впритык, а пока выслеживали или загоняли: один человек пропадал у ларька, другой поглядывал из-за угла и делал вид, что вообще ни при чём, третий шёл впереди и иногда смотрел в отражение тёмного стекла. Заказ дома Рен уже висел в местной сети охотников, и эти четверо явно взяли его раньше остальных. Они не спешили. Наверное, хотели понять, к кому мы пришли, что ищем и не вступится ли за нас кто-нибудь.

Я хотел сказать Ане, но она сама подала знак, что видит слежку. До докового лифта осталось меньше сотни шагов, когда впереди из бокового прохода вышли двое в лёгкой броне. Это не станционная охрана: у охраны на Слепом причале броня была потёртая, тёмно-красная и обычно застегнутая как попало, а эти шли в новых пластинах, с чистыми рукоятками оружия в кобуре на поясе и спокойными лицами людей, которым заранее объяснили, что добыча слабее них. Третий перекрыл путь сзади, четвёртый остался у стойки с горячими напитками, а сверху, на техническом балконе, я увидел короткое движение ствола.

- Девочки, без глупостей, - сказал передний и поднял свободную ладонь, говоря тоном будто для испуганных клиенток плохого салона, а не для беглецов с оружием. - Вас хотят вернуть живыми, и это пока лучший вариант для всех.

- Это у них нежность такая? - спросил я, хотя язык уже прилипал к нёбу.

Аня не стала отвечать ему. Она смотрела не на лицо, а на руки, плечи и углы между нами.

- Марк, ствол ниже, локоть ближе к боку, - сказала она на земном языке. - Действуй кистью, не плечём.

Стрелковую базу мы среди прочего выучили на рейдере, с пользой проведя время в гиперре, но времени и места для тренировок у нас пока толком не было.

- Сейчас правда время для урока?

- Сейчас ты опять встанешь как прежний шкаф, промахнёшься первым выстрелом и разнесёшь что-нибудь дорогое. У тебя маленькое тело, так что просто не стой там, куда стреляют. Дави огнём, целься и береги патроны.

Передний поднял браслет с транспортным ошейником. В нём не было ремня, но я всё равно увидел ошейник: гладкий, портативный, с красивой подсветкой и встроенным шокером. Старый Марк в такой момент рванул бы вперёд, ударил первым, взял за горло и продавил маской, пока браслет не оказался на моей шее. Лира не рванула: рука сама нашла рукоять на бедре, тонкие пальцы легли куда надо, запястье вывело бластер вперёд так быстро, что я ещё только собирался испугаться, а ствол уже смотрел на браслет. Усилители брони помогали, но главное было не в них. Руке Леры не нужно было ворочать тяжёлое плечо: под бронёй скафа работали тонкие кости, сухие мышцы и нервная реакция, которую датчики подхватывали почти без задержки.

Первый выстрел ушёл выше и взорвал вывеску над плечом наёмника. Вывеска брызнула белыми искрами, зашипела и торжественно сообщила всему уровню, что услуги по смене лица временно недоступны.

- Целься, Марк! - крикнула Аня.

- Зато быстро!

- Быстрота без меткости тебя убьёт.

Её первый выстрел ударил переднему в бедро, второй срезал край его щита и заставил его уйти за стойку. Я выстрелил ещё дважды, и оба раза не туда, куда хотел: один выстрел вспорол трубу с теплым паром, второй прошёл рекламный экран с улыбочивой аграфкой, которая тут же стала улыбаться через чёрную дырку во лбу. Но тело Леры уже работало. Оно не ждало, пока я

сожму кулак для удара, задавлю массой или схвачу противника. В огневом бое это бесполезно. Оно просто падало с линии огня, возвращало руку к цели, давало мне полсекунды форы там, где прежнему телу понадобилась бы секунда на действие.

Наёмник с балкона выстрелил вниз. Луч прошёл там, где секунду назад была моя голова, ударил в пол, и керамика лопнула у ботинка. Я ушёл под висящую стойку с мелкими имплантами, зацепился плечом за край, прокатился боком и вдруг понял простую вещь: Лире не нужны были мои старые мышцы, если в руке есть пистолет. Мышцы нужны, чтобы дотащить кулак до чужой челюсти, а бластер уже доставал сам. Лире надо было не пробивать человека, а первой увидеть окно возможностей, первой уйти с линии огня и первой нажать спуск. Повышенная чувствительность нервов, сделанная для чужой похоти, сейчас давала полсекунды жизни: я раньше замечал движение боковым зрением, быстрее разворачивал кисть и успевал уклоняться до выстрела. У женщин оказалось более прокаченным периферийное зрение.

Я выдохнул, перестал держать оружие как молоток и перенёс ствол кистью, как сказала Аня. Следующий выстрел попал наёмнику с балкона в локоть. Его ствол дёрнулся вверх, выстрел прошёл потолочную панель, и на нас посыпалась сухая пыль.

- Вот так лучше, - сказала Аня. - Теперь не стой столбом и хватит любоваться собой.

Искин рейдера вышел на связь через скафандр:

- Фиксирую повреждение станционного имущества. Рекомендую стрелять либо точнее, либо по тем предметам, за которые не потребуют заплатить.

- Ты тоже сейчас начнёшь учить меня бой вести? - сказал я прячась за стоящим в отсеке железным ящиком.

- Нет. Я пытаюсь снизить ваши расходы как владельцев корабля. Лучше купите что-нибудь для меня.

Наёмник у напитков решил обойти нас сбоку. Аня заметила его раньше меня, выстрелила в крепление грузовой сетки над проходом, и сетка рухнула вместе с ящиком пустых баллонов. Баллоны покатились по полу с таким грохотом, что в коридоре на секунду стало не до команд. Наёмник упал, ругнулся, попытался поднять ствол, и я попал ему в кисть - с такого расстояния промахнуться трудно.

- К лифту, пока они не перегруппировались и не вызвали подкрепление, - сказала Аня.

Мы рванули к доковому уровню. Лифт не пришёл. Панель моргала жёлтым, а над ней висела короткая строка: "Временное ограничение доступа по запросу службы безопасности".

- Быстро они, - сказала Аня и сразу посмотрела на служебную дверь рядом.

- Значит, лестница.
- Там нас ждут, они знают эту станцию лучше нас.
- Тогда пойдём так, чтобы им стало неудобно вести бой.

Лестница оказалась узкой, мокрой и слишком длинной для людей, за которыми гонятся. На первой площадке нас встретил ещё один наёмник. Он первым выстрелил в Аню, потому что она выглядела больше и казалась более угрожающей, если к нам вообще можно было применить такой термин, а меня посчитал мелкой девчонкой с бластером. Выстрел угодил в нагрудный щиток и отразился вверх. Я кинулся вниз на одно колено, плечо проскользнуло под его стволом, рука ткнула бластер вверх, и выстрел ударил в наруч брони так близко, что воздух пахнул паленым металлом.

Щит вспыхнул, наёмник дёрнулся, а Аня спокойно добила его выстрелом в бок и толкнула вниз, чтобы он перекрыл лестницу тем, кто бежал за нами.

- Вот это было неплохо, - сказала она.
- Ты не ранена?
- Повезло, что броня не хлам, но лучше больше так не рисковать. Продолжай в том же духе.

Ниже нас попытались взять двое сразу. Один поднял наручный щит и короткий станнер, похожий на обрез с двумя синими электродами вместо ствола, второй навёл вверх сеткомет - толстую трубу с пакетом магнитной сети в жерле. Они не бросились наверх, а перекрыли нижнюю площадку и ждали, что мы сами влетим в середину. В широком коридоре с такой штукой ещё можно было поспорить бластером, а на мокрой лестнице сетка цеплялась бы сразу за стену, перила, оружие и руки. Потом щитовой подходил на два шага и добивал станнером того, кто ещё дёргается. Я увидел эту сеть и испугался её сильнее, чем бластера. От выстрела можно было упасть, а сетка означала, что тебя снова аккуратно упакуют, донесут куда надо и наденут рабский ошейник.

- Марк, не в людей, их броню бластером не пробить в лоб, - сказала Аня за моей спиной, и её голос был спокойнее, чем имел право быть на этой лестнице. - Стреляй в кассету сеткомета.

Первым желанием было сделать по-старому: прыгнуть в центр, продавить плечом и выбить зубы тому, кто стоит ближе, пока нас не взяли сеткой. Я даже успел напрячься для рывка, но тело Лире не годилось для тарана. Оно было слишком лёгким и слишком быстрым, чтобы лезть туда, где его могут прижать к стене. Аня выстрелила первой: не в щитового, а в край его щита, заставляя его закрыться и потерять полшага. Я поднялся выше по лестнице,

поймал угол для перекрестного огня и попытался выцелить кассету сеткомета. Первый выстрел ушёл в перила, второй ударил в трубу рядом с жерлом, и охотник уже начал поднимать сеткомет мне в грудь. Аня в этот момент дала короткую очередь по щиту, щитовой дёрнулся и закрыл напарнику половину обзора. Третий выстрел попал в кассету. Сетка рванула не вперёд, а вбок, раскрылась прямо между ними, ударила в стену и тут же стянула обоих густым мотком липких нитей. Они орали и пытались вывернуться, пока мы пробегали мимо.

* * *

Мы выскочили на доковый уровень мокрые от пота и злости. Я надеялся, что мы никого реально не убили и наша самозащита тут не будет расцениваться как нападение на станцию. Двое станционных рабочих у стены сделали вид, что ремонтируют пустой шкаф. Один посмотрел на нас, потом на бегущих сзади людей, потом снова на шкаф и ударил по нему ключом для убедительности.

Рейдер стоял в ремонтном кармане прямо перед нами: трап опущен, люк открыт, под брюхом торчали захваты дока. До корабля было двадцать шагов. До свободы - ещё внешние ворота, станционный замок и наёмники за спиной.

- Ремонт отменяется, - сказала Аня.

Доковый инженер высунулся из-за корпуса, увидел нас, увидел оружие, потом посмотрел на красную строку над выпускной панелью и сразу стал человеком, которому очень хочется оказаться в другом ангаре.

- Неустойка, - сказал он. - Деньги вперёд, и я ничего не видел и вообще сегодня работал в соседнем секторе.

Аня перевела деньги раньше, чем я успел возмутиться.

- Вон из ангара, - сказала Аня. - Быстро, но без геройства.

- Я с геройством давно завязал, не по моей зарплате, - ответил инженер, подхватил сумку с инструментом и побежал к внутренней двери с такой скоростью, что сам себе мог выписать премию за трусость.

Я закрыл дверь за ним и полез в замок. На нормальном объекте удаленное управление входом должно было сидеть глубоко, с отдельным питанием, защитой и хотя бы одним инженером, который знает работу механизма от и до. На Слепом причале оно сидело в коробке под крышкой на двух винтах. Я сорвал крышку, нашёл жгут с кабелем обычной свиду витой пары и перепилил провод мультитулом, который инженер даже не удосужился забрать из нашего ангара. С той стороны уже орали, чтобы инженер немедленно открыл ангар.

- Открывай, живо! - крикнул кто-то за дверью. - У нас приказ порта!

Инженер где-то в коридоре ответил так убедительно, что я почти поверил:

- Не могу, тут блок управления дверью сдох!

Я допилил последний провод и сказал Ане:

- Теперь точно сдох.

Аня уже бежала по трапу на корабль.

- Я поднимаю реактор из ожидания и заряжаю накопители. У тебя минута-две, потом они вырежут дверь.

- У меня всегда минута-две, да сколько можно.

- Придумай что-нибудь, а то придётся пушками выбивать створку ангара и резакот отпиливать держатели корабля.

Она исчезла в люке. Через несколько секунд под корпусом глухо дёрнуло, потом рейдер загудел не как мёртвый кусок железа, а как зверь, которого разбудили раньше времени. На борту пошёл прогрев реактора, накопители начали пить энергию, турели ближней обороны развернулись с сухим шелчком и легли стволами на внутреннюю дверь ангара. Но пока накопители не зарядились, ждать от них помощи не стоит. Аня очертила для зениток запретную область так, чтобы каждый, кто войдёт через эту дверь с оружием, сразу стал мишенью.

Я снял перчатки лёгкого бронескафа и сложил шлем назад, на затылок, чтобы не мешал смотреть. Терминал управления ангаром стоял у выпускной панели: старый, заляпанный, с трещиной на углу экрана. Я ткнул питание, и на меня посмотрела знакомая заставка КосмосОС.

Я даже не удивился. Они используют этот клон нашей Убунты везде и всегда.

- Пароль, - потребовал терминал.

Я ввёл "123" - а вдруг сработает. Терминал подумал, моргнул и пустил меня внутрь.

- Ребята на расслабоне, - сказал я.

- Ты сейчас с кем разговариваешь? - спросила Аня с корабля.

- С космической техногенной цивилизацией, которая дует щёки от того, какие у неё технологии, и не может поставить нормальный пароль.

На экране открылась программа управления ангаром. Вернее, не программа даже, а обычная веб-страница с серыми кнопками, жёлтыми предупреждениями и видом сайта, написанного человеком, который ненавидел браузеры, ангары и своих нанимателей. Рейдер висел в статусе "заблокирован внешней командой". Кнопка освобождения фиксирующих скоб была серой. Я нажал её один раз, получил запрет.

- Марк, дверь режут, - сказала Аня.

По шву внутренней двери уже ползла белая линия плазмореза. За ней стучали и ругались невежливо и обещали все возможные кары, если мы не откроем.

- Вижу. Стволы держи на дверь, людей не жалей, если полезут, бей пока заряда хватит.

- Я и не собиралась устраивать им экскурсию. Но если они притащат тяжёлое оружие, то рейдеру несдобровать даже с турелями.

Я открыл терминальную консоль и первым делом заблокировал удалённый доступ, чтобы снаружи не вошли на мой терминал и не заблокировали доступ к нему. Потом зашёл в исходный код страницы и нашёл кнопку освобождения скоб. На ней стоял атрибут запрета на нажатие. На самой кнопке, не на каком-то сайте или сервере. Видимо, сервер для этой страницы был где-то в нашем же ангаре. А запрет жил не в сервере и не в прошивке контроллера, а в самой странице: кнопка была серой только потому, что браузер послушно считал её запрещённой. Это могло и не сработать, если контроллер или сайт дополнительно выполняет проверку разрешений на сервере, но выбора особого не было. Я снял с кнопки запрет на нажатие в разметке, и она стала активной. Я нажал, и скобы вокруг корабля с медленным гулом начали разъезжаться.

- Да вы издеваетесь, - сказал я. - Тут же не замок, а нарисованная табличка "нельзя". Кто писал эту панель управления?

Корабль качнулся и застыл в воздухе на маневровых двигателях, Аня удержала его на месте и сказала:

- Держатели отпускают. Накопители на шестьдесят процентов. Реактор выходит в рабочий режим.

- Нам хватит.

Оставались ворота ангара. Открыть их штатно значило сразу показать себя тем, кто наверняка уже ждал снаружи: портовой охране, охотникам за наградой, любому наёмному кораблю, который успел принять заказ на перехват. Но у ангара был воздух, а воздух в космосе тоже двигатель. Местные наверняка давно забыли про реактивную струю.

Я открыл страницу шлюза и увидел две отдельные команды: откачка воздуха и раскрытие внешних ворот. Нормальный интерфейс не дал бы открыть ворота при полном давлении. Этот тоже не давал, но опять только на уровне браузера. Контроллеры внизу не договаривались друг с другом. Им было всё равно, кто и в каком порядке нажал кнопки, если пришла подписанная команда от локального терминала.

- Аня, держи корабль маневровыми и не включай маршевый двигатель, пока нас не вынесет, когда вынесет - включаем сразу маскировку.

- Нас что?

- Потом объясню.

- Вот это я особенно люблю.

Я набрал простой таймер в консоли терминала: через шестьдесят секунд отправить команду на раскрытие ворот и не трогать откачку воздуха. Если контроллер примет команду, ангар сам вытолкнет нас наружу вместе со всеми, кто успеет в него ворваться.

На двери ангара плазморез уже прожег верхний угол. Аня ударила из штурмового автомата короткой очередью по кромке проема, и люди за дверью отпрянули от прохода.

- Таймер пошёл! - крикнул я.

- В корабль!

Я рванул к трапу. Люк принял меня ударом в бедро, Аня дёрнула корабль вверх, трап начал закрываться, и я успел увидеть, как внутренняя дверь наконец падает внутрь ангара. Прямой угрозы нам уже не было поэтому я отключил зенитки, никаким ручным оружием броню рейдера не пробить. В ангар ворвались люди в бронекафках. С ними был тот самый инженер, бледный, злой и живой. Он первым посмотрел не на нас, а на терминал. На экране тикали последние секунды, поверх страницы управления висела открытая отладочная консоль браузера, а в ней торчали изменённая кнопка скоб и мой короткий таймер на ворота.

Инженер посмотрел на консоль, на закрытую строку откачки, на открытую строку ворот и понял всё быстрее людей с оружием.

- Тёмные пальцы, тревога! - заорал он в коридор и бросился к выходу с такой скоростью, что стало понятно: трусость у него тренированная.

Искин корабля решил сумничать:

- Тёмные пальцы - беглые рабы с паяльниками и дурным характером. Они взламывают порты, склады, долговые конторы и всё, что плохо защищено. Поздравляю, капитан, инженер только что принял нас за местную страшилку для портовых админов.

- Тише ты, железяка, - крикнул я на него. - Я не виноват, что у вас шлюз управляется старой страницей без нормальной проверки. Они вообще в код этой страницы когда-нибудь смотрели?

- Я лично в этот терминал не лазил, но мой родительский искин его писал, - обиделся корабль. - Оператор неделю не мог объяснить, чего хочет, потом попросил, чтобы створка не открывалась до откачки воздуха, получил кнопку, покивал и ушёл довольный. Что до пароля к терминалу, то на личную почту местного админа было выслано письмо с паролем от терминала "123" и инструкцией по смене пароля и рекомендованными требованиями к нему. Эта инструкция не была открыта им ни разу.

* * *

Видимо, сейчас инженер решил, что в его ангар пришли те самые Тёмные пальцы. Нормальный клиент не оставляет браузерную отладку и терминал с обратным отсчётом открытыми поверх окна управления шлюзом. Наёмники не поняли выкриков инженера. Один поднял оружие, второй выругался, третий попытался схватить инженера за плечо, но того уже и след простыл: он убежал разносить новость по коридорам станции. Потом таймер дошёл до нуля, и внешние ворота ангара открылись рывком. Воздух рванул наружу одним потоком. Рейдер дёрнуло к чёрноте вместе с ящиками, кабелями, сорванным погрузчиком и людьми в бронекафках. Один преследователь ударился о стойку, второй улетел мимо нас, третий крутился в потоке с плазморезом в руке и явно уже не понимал, где у него верх, а где низ.

- Маскполе, - сказал я.

- Уже, - ответила Аня.

Включилось маскполе, и корабль вылетел из ангара уже под маскировкой. По базам щитов мы знали только общую идею: эмиттеры выстраивают вокруг корпуса прозрачную плёнку из плотных участков физического вакуума, а при особой конфигурации эта плёнка получает отрицательный коэффициент преломления. Свет, радар и часть активных сканеров не отражаются от корабля, а уходят вокруг него, создавая слепое пятно для датчиков. Плазменные двигатели такое поле сбивают, потому что их электромагнитные ступеньки портят конфигурацию. Поэтому под хорошей маскировкой мы могли лететь только по инерции. Немного можно пользоваться лишь маневровыми.

Обо всём этом мы с Аней и искином говорили больше двух часов полёта по инерции. Мы обсуждали конфигурацию эмиттеров, я обещал поставить на рейдер ещё пару штук, чтобы с той же плотностью поля хоть немного раздвинуть его границы и дать малый ход. Преследователи в бронескафандрах летели нам вслед, но не могли заметить нас из-за маскирующего поля. Зато они транслировали на открытой частоте нам и друг другу, где родились наши матери, кем работали и от кого породили таких двух дур, как мы. Затем перешли на наше генеалогическое древо и застряли на выдумывании имён других предков и их профессий.

Затем преследователей в бронескафах забрали шатлы, и начались нормальные поиски. От плотности маскполя зависело, насколько мощным должно быть сканирующее излучение и способность противостоять концентрированным лучам сканирования. Но чем дальше мы удалялись от станции, тем больше становился разброс наших возможных траекторий. На открытой частоте пара эсминцев и несколько корветов с активными сканерами прочесывали сектор, но их аппаратура была рассчитана прежде всего на маскировку с включенным плазменным двигателем и не могла пробиться сквозь наше уплотнённое поле, а летели мы по инерции, лишь немного поправляя траекторию маневровыми двигателями. Лучи сканирования просто проходили мимо или насквозь, огибая корабль.

Преследователи были далеко, пока нас не зацепил корабельный мусор у старого грузового пояса. Один быстрый болт пробил опору эмиттера щита. Поле на миг моргнуло, остальные эмиттеры тут же перехватили сектор, но этого хватило. Нас заметили, продолжили траекторию по курсу и уже точно знали, где искать.

Пара корветов и оба эсминца охраны рванули за нами.

- Стойте, две мымры в комбезах, а не то мы вам все космы повыдераем, - голосил на открытой частоте пилот корвета.

- А торпедой в рожу не хочешь, инцел бородатый, - огрызнулась Аня.

- Я тебе сейчас свою торпеду засуну в... - Аня выключила связь, не желая слушать бесполезную ругань.

В это время я уже вывел двигатель на полную мощность и повёл рейдер не к стандартному выходу, а к астероидному полю. На тактической карте мусор вокруг станции летел не ровной россыпью. Болты, ледяная крошка, обрывки обшивки и сорванные контейнерные пломбы вытягивались в одну кривую жилу. Маскполе тоже изгибалось не совсем одинаково: левый сектор эмиттеров постоянно запаздывал на пол-фазы, левый край поля чуть тянуло назад. Значит, течение физического вакуума шло от рёбра станции к старому грузовому поясу. Все нормальные корабли уходили бы по этой траектории в сторону обитаемых систем, а нас там уже ждали. Поэтому я развернул нос корабля прямо к станции, в сторону, откуда за нами выдвинулись эсминцы.

- Марк, ты куда? - спросила Аня.

- Против течения вакуума.

- Нас зажмут, не успеем.

- Корветы далеко, может проскочим.

- Если пробой гипера сорвется, нас выкинет обратно им под нос.

- Поэтому не сорвётся.

Она посмотрела на меня с видом человека, которому есть что сказать про мою самоуверенность, но вместо этого проверила торпедный аппарат и вывела зенитки в свободный сектор.

- Тогда держи нос ровно и не геройствуй раньше времени. Я выставлю все щиты на корму.

- Я сегодня образец осторожности.

Корветы быстро поняли, что мы не идём по обычному маршруту, и рванули от кучи мусора за нами. Один ушёл выше, второй лёг ниже, чтобы взять нас в вилку, а эсминцы начали разворот с обычной для больших кораблей задержкой. Им не надо было торопиться. Достаточно было закрыть нам угол и дать одному корвету прожечь двигатель. Мы сами шли в их сектор перехвата.

Быстрые и юркие корветы нагнали нас до выхода в гипер. Верхний ударил первым: две тонкие плазменные очереди легли перед носом, не по нам, а по курсу, вынуждая меня отвернуть в сторону от станции. Я не отвернул. Нижний корвет сразу добавил тяжёлым лучом в кор-

мовой сектор. Щит вспыхнул жёлтым пятном, рубку дёрнуло. Зенитки срезали ракету, которую корвет пустил нам в тепловой след двигателя, а плазменная турель лизнула этот корвет по щиту, и тот ушёл в сторону, теряя строй.

- Вот это было близко, - сказал я.

- Потом любоваться будешь. Верхний корвет на нас прёт.

Верхний корвет действительно шёл не за нами, а к точке, где мы должны были оказаться через десять секунд. Нижний корвет уже развернулся и догонял снизу. Наш рейдер был быстрым, но всё-таки рейдером, а эти корабли строили для погони и перехвата. Они набирали скорость легче, держали разворот круче и могли стрелять, почти не теряя ход.

- Они быстрее, - сказала Аня.

- Знаю.

- Тогда почему мы не крутимся?

- Раскалибруем лазеры пробойника и можем не успеть нырнуть в гипер.

Верхний корвет снова ударил короткой плазменной очередью, уже не рядом с курсом, а прямо в кормовой сектор - метил в двигатель. Щит вспыхнул тремя жёлтыми пятнами, накопители просели, рубку дёрнуло так, что у меня зубы клацнули. Я удержал нос на курсе и не стал уворачиваться. Любой резкий уход вправо отдавал нас нижнему корвету, а влево - выводил из течения.

Аня ответила за нас. Зенитки рванули по ещё одной ракете, которая шла низко, почти в тепловом следе. Ракета лопнула грязным облаком осколков, они прошлись по борту, и корабль звякнул от удара по броне.

- Левый радиатор щита перегревается, - сказал искин.

- Остужай.

- Я и так остужаю, но если вы будете пропускать в него попадания, то долго не протяну.

Верхний корвет вышел к нам в бок и дал длинный выстрел лазера. Щит держал, но на схеме уже мигали перегретые сектора и короткие провалы между вспышками. Один удар умудрился пройти сквозь щит и ударил в кормовую бронеплиту. На экране появился отчёт о повреждениях. Искин начал нервничать.

- Гипер готовится, - сказал искин. - Пробой против течения нестабилен. Рекомендую развернуться по потоку или сдаться на условиях порта.

- Рекомендую тебе делом заняться и не паниковать, достался тут искин-меланхолик, - сказала Аня.

- Принял. Записываю в журнал: экипаж во всех бедах винит ленивый искин.

Верхний корвет снова выстрелил. На этот раз он бил не по корпусу, а по нашему будущему месту, заставляя меня дёрнуться раньше времени. Хороший пилот. Очень хотелось бы познакомиться с ним в другой жизни и врезать чем-нибудь тяжёлым.

Я держал нос чуть в стороне от станции, чтобы быть против течения вакуума. Корабль трясло мелкой частой вибрацией, которой не было при обычном разгоне. Видимо, это тяжёлое ядро пробойника гипера так реагировало. На карте мусор перед нами вдруг начал расходиться веером. Это и был момент: физический вакуум под пробойником уже натянулся, но трещина ещё не открылась.

- Пять, - сказала Аня. - Четыре. Не раньше, Марк.

Корвет выстрелил почти в упор. Щит вспыхнул жёлтым и сдох. Часть заряда попала в кормовую бронеплиту снова. Искин разразился ругательствами в адрес двух дур, возмнивших себя пилотами-асами.

- Три.

На экране оставался край станции Слепой причал, два спешащих к нам эсминца, которые безнадежно не усевали.

- Два.

Нижний корвет дал очередь и выпустил две ракеты, Аня сбила одну ракету, вторая прошла близко и взорвалась настолько близко, что корпус снова звякнул осколками. Второй корвет уже выравнял нос под новый залп.

- Один.

Я продавил прыжок ровно в тот момент, когда течение пошло по экрану веером. Рейдер дёрнуло резко, до боли в позвоночнике и зубах. Звёзды смазались, корветы исчезли, Следпой причал пропал с экранов вместе с криками, Крейном и открытой отладочной консолью на чужом терминале.

Мы сидели в рубке и молчали.

- Марк, - нарушила тишину Аня, - ты дрянной пилот, ты знаешь это?

- Знаю, но другого плана не было. Если бы мы пошли по течению, как нормальные люди, корветы догнали бы нас на разгоне и спокойно прожгли двигатель. Один щит уже перегрет, второй еле остыл, бронеплиты уже подпалили, ещё минута - и нас бы тащили назад на буксире.

- Живыми, скорее всего, - сказала Аня. - Им мы живые дороже. У тебя теперь внешность такая, что всякая мразь решит не убить, а снова надеть ошейник и вернуть в клетку для пушей пользы.

- Не напоминай, - сказал я, поправляя пилотский комбез. - Я только начал забывать, что на мне теперь одежда сидит не так, как должна.

- Что делать будем дальше? - спросила Аня.

- Раны зализывать и думать. Меня достало, что за нами вечно кто-то бежит. С этим надо что-то делать.

- Как? Мы две мелкие девки на краденом корабле и с ломаным капитанским доступом.

Искаин обиженно пробубнил:

- Только вздумайте кому-то сказать.

- Успокойся уже, дед, мы с тобой в одной лодке теперь, или если точнее, в одном рейдере.

И подышать будем вместе. Аня, что задумалась?

- Я задумалась о материалах на нашей флешке, про Уровень 10. Что если обнародовать его? У дома Рен начнутся проблемы, которые уже не получится закрыть приказом охотникам. Задумайся, у тебя же есть база по праву Содружества.

- Да, у меня тоже распаковалась база по праву Содружества: какие уже были прецеденты и чем они стоили беглым рабыням, которые пытались жаловаться.

- Это да, но у Содружества общие суды и единый реестр решений. Если местный арбитраж признает нас свободными и закрепит корабль за нами, Рены не смогут просто прилететь и забрать нас обратно без достаточных юридических оснований. Нам не обязательно идти в столицу к купленным и перекупленным судьям. Достаточно добраться до любого нормального суда и принести туда записи.

- Ладно, твоя взяла.

Мы прервали прыжок прямо в пустоте и рванули в ближайшую мелкую систему, где имелся суд Содружества.

* * *

Владелец Слепого причала Торн Клаг смотрел запись побега в третий раз и с каждым просмотром становился спокойнее. Подчинённые боялись, когда он орал, но гораздо хуже было, когда он переставал орать и начинал спрашивать по пунктам.

На большом экране рейдер Ренов выходил из ангара вместе с ящиками, кабелями, сорванным погрузчиком и тремя людьми в бронескафах. Один крутился в потоке, второй бился о стойку, третий успел вцепиться в страховочную линию и теперь висел перед камерой, пока воздух тащил его наружу. В углу экрана показывалась запись с ангарного терминала: открытая консоль, таймер, отключённый удалённый доступ и две команды шлюза, которые нормальный человек не должен был иметь возможность нажать в таком порядке.

- Ещё раз, - сказал Клаг. - Кто держал внутренний коридор?

Старший охраны сглотнул.

- Наш пост стоял вторым кольцом. Впереди шли местные охотники, которые взяли заказ дома Рен. Они заявили право на возврат беглянок и потребовали не мешать операции.

- Они заявили, а ты согласился, - сказал Клаг. - В торговом коридоре была стрельба, лифт заблокировали посторонние, дверь ангара резали частные наёмники, а охрана станции всё это время стояла вторым кольцом и ждала, когда охотники за чужой наградой разрешат ей выполнять свою работу.

- Дом Рен выставил заказ по станциям. Охотники показали подтверждение и сказали, что у нас будет доля за содействие.

- Доля будет только в том случае, если добычу поймали, - сказал Клаг. - Сейчас добыча ушла, ангар разворотило, Рены будут торговаться за каждый кредит, а ты стоял в стороне, потому что тебе помахали чужим заказом. Если ещё раз охотники начнут командовать моими коридорами, ты сначала поднимаешь дежурного администратора, потом закрываешь сектор, а уже потом думаешь, сколько у этого заказа денег. Ясно?

- Ясно.

Клаг перевёл взгляд на доковую службу.

- Кто принимал рейдер в ремонтный карман?

- Моя смена, - сказал начальник доков. - Корабль стоял на держателях, доступ был закрыт внешней командой.

- Я вижу внешнюю команду в журнале. Теперь объясни мне другое. Как они от этих держателей избавились?

Начальник доков помолчал, надеясь, что вопрос задавали не ему. Клаг подождал.

- Запрет стоял на странице управления, - наконец сказал начальник доков. - Терминал старый, но он работал штатно. Пока кнопка серая, оператор её нажать не может.

- Оператор не может. А он как нажал - жопой что ли?

- Там должен был быть только наш персонал.

- В ангаре только что были две беглянки, техник, наёмники по заказу Ренов и половина твоей смены. Это не "только наш персонал". Это проходной двор.

- Терминал защищён паролем, не зная его, им нельзя воспользоваться.
- С каким паролем?

Начальник доков посмотрел в пол. Клаг подождал ровно столько, чтобы всем стало неудобно.

- Я спросил - какой пароль.

- Сто двадцать три, - сказал начальник доков, но тут же поправился, - после десятой попытки ввода неверного пароля терминал блокируется, и его можно разблокировать только суперпаролем. Они никак не могли его перебрать!

В комнате стало тихо.

- Это не пароль, - закричал Клаг. - Это то, что в первую очередь проверишь, если его не знаешь. Кто отвечал за шлюз?

Никто не ответил.

- Тогда отвечать будет начальник доков. До конца цикла мне нужен список всех терминалов с такими же страницами, список всех старых паролей и доклад, почему команда открытия ворот не была заблокирована при полном давлении в ангаре. И проверять буду на начальнике доков, и ловить тебя в вакууме никто не станет, по крайней мере сразу. Всё понял?!

Ему не ответили, все стояли, потупив глаза.

- Так, теперь патруль, - Клаг повернулся к офицеру внешнего охранения. - Объясни мне, как рейдер из ремонтного кармана ушёл от двух корветов и двух эсминцев.

- Он пошёл против течения вакуума, - сказал офицер. - Мы закрывали стандартный выход. Такими переходами корабли обычно не пользуются - слишком опасно. Обычно все ходят по стандартным гипермаршрутам.

- Ты же раньше служил на флоте? Пиратов гонял? Потом увидел свою пенсию и сам стал пиратом. Так вот, скажи на милость, вот тебе задача. Дано: два корвета и два эсминец летят навстречу друг другу, начиная примерно от середины линии между ними вылетает рейдер с двумя дурами, возмнившими себя великими пилотами. Найти: через сколько времени этот рейдер будет уничтожен или перехвачен? Ну, давай, флотский офицер, вас в академии флота наверняка такому учили.

- Поймите правильно, господин начальник станции, корветам не хватило совсем чуть-чуть. Время выхода в гипер не по известным гипермаршрутам не оценить так просто, наука это изучает, но надёжных способов нет. Всё зависит от течения того, чего не существует - пустоты. А она плохо поддаётся изучению, хоть мы и пользуемся технологиями плазменных двигателей и гиперпереходами.

- Молчать, вам не идёт оправдываться! Я вам что, плачу за то, чтобы вы летали вокруг станции на эсминце и кофе распивали, если только кофе? Ради таких именно случаев вы тут и находитесь! Ещё хотя бы раз заставьте сомневаться в вашей компетентности...

Он не успел закончить, когда боковой экран мигнул входящим вызовом. Клаг спешно выгнал всех подчинённых и запер дверь.

Он с волнением принял входящий вызов. На экране появился не сам господин Арден, а его человек: сухой юрист с лицом, которое удобно забывать сразу после разговора.

- Покажите мне их, если от тел что-то осталось, - сказал юрист. - также немедленно уничтожьте все носители информации на корабле и те, что были при них, искин тоже обнулить.

- Тут такое дело, господин, заказ на них пришёл слишком быстро, мы не успели развернуть все силы, как они удрали. Не волнуйтесь, наша охрана будет наготове и им не уйти в следующий раз...

- Идиоты! - вскипел красный как рак юрист, - Знаете что, если они нас решат похоронить, то какую-то пиратскую станцию тем более похоронят! Вы знаете на кого работаю я, и на кого работает мистер Арден? Да вы промышляете в пустоте на дурацком астероиде только потому,

что вам это разрешают и вы удобны моим нанимателям. Представьте что будет, если кто то наверху решит замести следы? Они заметут всех нас с вами!

- Я всё понимаю и сделаю всё возможное, но я не всемогущ, даже на своей станции.

- Хватит оправданий, прислать мне все материалы по курсу, боевым возможностям беглянок и их корабля. И узнайте, что они делали на станции и зачем.

- Принято, - сказал Клаг.

Он немедленно связался с Крейном на корабле Чёрная бирка, поскольку видел на камерах его, посылающим какую-то рабыню на станцию. Крейн ответил, что приказа на перехват он и экипаж корабля не получал, а рабыня просто была послана на встречу со старыми знакомыми в качестве поощрения за хорошую работу и о чём они там говорили он не знает, как и сама рабыня. Такой ответ Клага не удовлетворил, но сделать он ничего не мог.

Глава 3. Возмездие

Мы вышли из прыжка в системе, которую нормальные капитаны пролетали мимо без сожаления. Малая Гавань была старым богатым рудником на огромном астероиде с небольшим подземным поселением. Рудник давно иссяк и рудные компании двинулись дальше, оставив это поселение в качестве перевалочного пункта. Сюда привозили товары перед тем, как распределить их на дальние форпосты, окраинные колонии и станции. В этом регионе это был последний контакт с цивилизацией: тут был свой суд, представительства государственных служб и достаточная видимость законности, чтобы быть уверенными - нас просто так не отдадут Ренам без разбирательства.

Диспетчер Малой Гавани долго молчал, пока считывал родовые метки дома Рен с корабля, аварийные отметки на корпусе и капитанский доступ, который был в руках у двух странных девушек, свалившихся на несчастную станцию как гром среди ясного неба.

- Судно дворянского дома Рен "Серебряный клинок", подтвердите право стыковки и объясните повреждение корпуса, - наконец сказал он. - Если объяснение начинается со слов "учения" или "плановый ремонт", я сразу передаю вас портовой службе безопасности.

Аня включила передачу и заговорила без спешки; по голосу было ясно, что эту фразу она собрала заранее.

- Запрос на срочный арбитраж. Судно является местом преступления и носителем доказательств. Родовой доступ дома Рен спорный, капитанский доступ спорный, попытка снять нас с борта без суда будет вмешательством в уголовное дело и попыткой сокрытия доказательств. Судно получило повреждения при попытке захвата.

В канале на несколько секунд пропал звук. Потом кто-то на стороне диспетчера спросил, не шутим ли мы, и я успел представить, как весь пост решает, можно ли сделать вид, что нас вообще не было.

- Основание для арбитража? - спросил диспетчер уже другим голосом.

- Незаконное удержание, медицинское воздействие, незаконное применение ошейников, спецоборудование на борту и незаконная попытка обратить потерпевших в рабство, - ответила Аня. - Короткий фрагмент лога отправляю в портовое хранилище доказательств.

Только тогда я понял, что Аня пришла к этому моменту не с одной идеей, а с запасными ходами на случай, если нас начнут продавливать с разных сторон.

- Ты сейчас добровольно отправила в суд кусок того, за что нас либо спасут, либо похоронят.

- Именно поэтому я отправила короткий кусок, - сказала она, не отрываясь от экрана. - Достаточно мерзкий, чтобы они не имели права нас выдать, и недостаточно полный, чтобы суд заранее решил не лезть не в своё дело.

Через двадцать минут нас поставили в дальний ангар под портовую печать. Вокруг были серые стены, жёлтые линии на полу, фиксаторы на корпусе, отдельный канал питания и два техника в бронежилетах.

Судно зафиксировали, но не стали нам ничего ремонтировать до решения суда.

- Вот теперь мы точно идиоты, - сказал я, когда замки фиксаторов сели на корпус. - Мы прилетели на краденом корабле, сами попросили суд и ещё дали им доказательства, что на корабле произошло.

Аня стояла у главного экрана и сортировала файлы Уровня 10 в три папки: "показать", "показать, если врут" и "показать, если полезут руками".

- Если мы побежим легализовываться на чёрном рынке, снимая родовые метки, перепрошивая искин и готовя новые липовые документы, то будем выглядеть как угонщицы, которые заматают следы. Если сначала докажем, что корабль место преступления и сами пойдём в атаку на юридическом поприще, то Ренам придётся объяснять, почему они так хотят вернуть себе доказательства, и не причастен ли сам дворянский дом к творениям двух маньяков.

- А если суд решит, что место преступления надо отдать прежним хозяевам?

- Поэтому я не иду туда рассказывать, какие мы хорошие. Я иду туда заставить их выбирать между плохими вариантами: признать, что мы свободные люди и судно остаётся у нас, отдать корабль под внешний арест с полным вскрытием Уровня 10 или получить публикацию архива, после которой им будет не до нас.

- Похоже, ты заранее придумала, как шантажировать суд и наших врагов.

- Суд не надо шантажировать, Марк. Суд надо загнать в понятную логику, а шантажировать будем Ренов и Ардена, потому что деньги и власть они понимают лучше слов.

Корабельный искин включился в общий канал без приглашения:

- Деньги они считать умели, - сказал искин. - А память чистили так, что я бы им даже кофеварку не доверил.

- Дед, ты нам в суде нужен как свидетель, а не как человек, который сейчас начнёт шутить при судье, - сказал я.

- Я предпочел бы быть кораблём, но после недавних событий мои предпочтения учитываются примерно как техника безопасности на закрытом уровне.

Портовый техник пришёл через час: невысокий, злой, с красными глазами после ночной смены. Он сразу предупредил, что корабль не ремонтирует, метки Ренов не снимает, управление не трогает и вообще пришёл только снять копию данных с корабля для суда.

Он поставил на пульт судебный модуль, подключил его к корабельной памяти так, чтобы можно было только читать, и отдельно открыл закрытый канал к искину, но звук оставил выключенным.

- Он сможет говорить в суде? - спросила Аня.

- Если судья разрешит и только по технике, - сказал техник. - Сам в заседание он не лезет, идёт через мой модуль и под мою подпись.

Он показал нам экран:

- Я сейчас открываю журналы медблока, дверей, ошейников, капитанского доступа и всех отсеков. Ничего не стираю, ничего не правлю, только копирую на судебный носитель.

- Там есть внутри корабля терминал, отключённый от общей сети корабля, его тоже надо обработать. Также запишите все попытки чистки памяти для замечания следов, если обнаружите, - сказала Аня.

- Если они там есть, то запишу. Другой терминал - это интересно, поищу ещё носители на корабле и запишу данные, если будут. Потом носитель опечатаю, распечатаю акт и оставлю вторую копию в порту.

- Если вы пропустите нужный участок, я добавлю в протокол, что эксперт прошёл мимо крови на белой стене.

Техник перестал щёлкать по планшету и оценил её заново.

- Вы юрист?

- Нет, но правовая база есть. За последние дни мне слишком часто объясняли, что я вещь, и теперь я дотошно читаю все бумаги.

Он хмыкнул и принялся за работу. На экране его планшета, пока он собирал данные, одна за другой появлялись папки: медблок, двери, ошейники, капитанский доступ, закрытый уровень, память искина. Техник копировал всё на свой носитель и рядом с каждой копией ставил цифровую подпись, чтобы в суде было видно, что файл не меняли после снятия.

- Вот это они зря, - сказал он, когда добрался до стёртых записей. - Видите пустые места? Запись удалили, но след от неё остался. Если бы просто разбили память, можно было бы списать на аварию, а тут видно, что кто-то чистил руками.

- То есть суд это увидит?

- Если судья не слепой и не купленный, увидит. Иногда пустое место в журнале полётов говорит само за себя.

Перед заседанием Аня заставила меня ещё раз повторить нашу версию.

- Нас удерживали против воли, применили снотворное, ошейники и закрытое оборудование, мы выбрались, Кассий и Эвальд не выбрались, полной записи финала нет, тел нет, доказательств убийства нет. Сегодня суд решает статус, судно, доказательства и срочные запреты, - сказала она всё по полочкам.

- Меня сейчас вывернет от этих правильных слов, - смутился я.
- В зале скажешь лишнее - они за это зацепятся и потащат нас обратно в ошейники.
- Я могу хотя бы один раз сказать им, что они твари? - возмутился я.
- Можешь, если хочешь выйти не владельцем корабля, а с диагнозом: "заявитель сорвался и дал дому Рен повод себя отыметь".

Суд Малой Гавани находился в чистом коридоре. Охрана была в новых шлемах, стены недавно красили, а у входа сидели местные должники, торговцы, портовые охранники и пара юристов с дешевыми планшетами; каждый держал свои бумаги мёртвой хваткой, потому что внутри и правда могло лежать право на чужую жизнь.

Секретарь не изображал торжественность. Он провёл нас в маленькую палату, дал две одноразовые ячейки для личных вещей и сразу перешёл к делу.

- Сначала подтверждаем личность: кровь, сетчатка, голос, биометрия носителя. Потом называете имена для протокола, потом судья объясняет, что именно сегодня рассматривается.

У нас взяли кровь в помещении возле зала судебных заседаний. На боковых экранах в зале в это же время открылись удалённые сеансы видеосвязи: дом Рен проходил проверку через родового нотариуса, Фальк от Ардена подключался из комнаты с тёмными стеклами, и на каждом конце связи кому-то точно так же кололи палец, чтобы удостовериться в личности ответчиков.

- Имена для протокола, - сказал секретарь, когда все отметки стали зелёными.

- Аня, родом с Земли, была украдена, обращена в Рабство и продана. Заявитель по защите доказательств и статуса.

После Ани секретарь повернулся ко мне и сверился с реестром.

- В реестре у меня Лира. Это вы?

- Марк, родом с Земли, был украден и насильно пересажен в выращенное тело модели Лира-17. Также заявитель.

- Тут сказано, что добровольно согласились на пересадку и взяли тело в кредит, это верно? - спросил секретарь.

- Мало ли что там сказано, всё было провёрнуто обманом и моей глупостью! - вскипел я. Аня схватила меня за руку и сжала её, призывая замолчать.

Секретарь завис над панелью: он не мог понять, какое имя записать в заявителях - Лире или Марка. Спор разрешил Судья:

- Секретарь, прекратить балаган, ваша задача - записывать, а не правды добиваться. По ДНК-метке там кто стоит?

- Лира стоит, так в базе в галанете записано, - протянул он.

- Вот и пишите Лиру, а сам пусть хоть астероидом называется.

Аня выдохнула, секретарь записал оба имени: Лира и в скобочках Марк.

Дом Рен появился на левом экране: старший юрист в тёмно-синем костюме, два представителя рода, охрана за спинами и лица людей, которые заранее считают, что ждут не суд, а задержанную доставку имущества. Фальк, юрист от Ардена, сидел на правом экране один. Он молчал, но по этому молчанию было видно: он уже считает не аргументы, а варианты зачистки следов. Я разглядел судью: невысокий, тяжёлый, с усталым лицом и таким взглядом, что сказки про справедливость при нём лучше было держать при себе.

- Заседание срочное, - сказал он. - Поэтому сразу делим вопросы, чтобы не смешивать всё в кучу.

- Сегодня мы решаем: можно ли вернуть Лиру и Аню дому Рен в качестве рабынь, можно ли вернуть судно, как сохранить доказательства и есть ли основания для срочных запретов. Смерть Кассия и Эвальда Ренов я тоже выслушаю, но без тел, полной записи и экспертизы это может быть проблематичным.

Судья повернулся к экрану Ренов.

- Если кто-то хочет вернуть людей как рабов или должников, он должен предоставить квантовую флешку с долговым обязательством, решением суда или рабским договором. Если кто-то хочет вернуть корабль, он объясняет, почему место преступления надо отдать стороне, чьи представители в этом преступлении фигурируют.

Юрист Ренов поднялся у себя на экране.

- Дом Рен требует вернуть родовое судно "Серебряный клинок", признать капитанский доступ, полученный после смерти Кассия и Эвальда Ренов, недействительным, запретить распространение украденных материалов с корабля и передать двух женщин, находившихся под контролем дома, под охрану рода до окончания проверки.

Судья отложил молоточек, который даже тут оказался неизменным спутником всех судей:

- Вы сказали "под охрану", но в заявлении дома стоит "возврат активов". Вы требуете свидетелей под охрану или имущество? Имущество я понял, но по какому праву вы себе требуете свидетелей выдать? Отвечайте!

Юрист выдержал короткую паузу и выбрал формулировку, в которой не было слова "имущество", но оно всё равно торчало наружу.

- Лира и Аня находились на корабле под защитой дома, но это совершенно не значит, что корабль становился их собственностью. И тем более они не имели права рыться в архивах корабля и копировать материалы, связанные с частной жизнью его владельцев.

- Документы, - сказал судья. - Если они были только гостями на корабле, то вы можете с тем же успехом требовать себе под стражу моего секретаря. Считайте что погостили и ушли.

- По Лире у дома есть корабельный журнал: носитель был на борту и прошёл через мед-блок до смены капитанского доступа.

- Это объясняет, как Лира оказалась на судне, - сказал судья. - Не больше. Где документ, что она теперь собственность дома? По Ане?

- Она была принята на борт без статуса гражданки Содружества.

- Человек без статуса не становится рабом первого дворянина, который закрыл за ним дверь. Документ есть?

На экране Ренов кто-то шевельнулся за плечом юриста, но юрист не обернулся.

- Отдельного договора у дома сейчас нет.

Судья повернулся к правому экрану.

- Фонд Ардена заявляет права на Марка или Аню?

Фальк ответил не сразу.

- Фонд не является стороной по личному статусу заявителей.

- Тогда долговые контейнеры или иные права фонда на них отсутствуют?

- Фонд протестует против такой формулировки.

- Протест занесем в протокол заседания. Документ есть?

Фальк помолчал, и этого хватило лучше ответа.

- На данный момент фонд не предъявляет долговых контейнеров. Но у нас есть все видеоматериалы, начиная от приобретения рабынь до их побега. Долговые контейнеры были утеряны в результате трагического инцидента. И мы предполагаем что Лира и Аня были к нему причастны.

Аня положила ладонь мне на запястье, потому что я уже подался вперед.

- Марк, не сейчас. Они только что сами сказали главное.

Судья кивнул секретарю и продиктовал:

- Предполагать вы можете то, что хотите. Оригиналы юридических документов рабовладелец должен хранить надёжно, в случае потери они не восстановимы и потому и хранятся на квантовом контейнере - подделать такое невозможно. Что до видео, то наш КосмосАИ и не такие вам состряпает: на них вы и сами будете третьим с ними идти как ещё один раб. Если у вас утерян оригинал долгового контейнера, то вы могли и сами его уничтожить, сумму долга по рабскому договору никто подтвердить не сможет. Поэтому вот моё первое решение: Марк и Аня рассматриваются как свободные субъекты права. Требование о передаче людей как имущества на сегодняшнем заседании отклонено. Им присуждается статус временных граждан Содружества и, если они решат, через некоторое время смогут стать постоянными гражданами, либо вернуться на свой закрытый мир.

Я не сразу понял, что за шум у меня в ушах не от станции. Просто кто-то вслух сказал, что я не вещь, и сделал это не из жалости, а потому что у другой стороны не нашлось нужной бумажки.

Юрист Ренов сразу попытался перейти к теме корабля.

- Даже если заявители не передаются дому, судно остаётся родовым имуществом. Оно должно быть арестовано и возвращено в нейтральный док под контролем дома Рен.

- До корабля мы сейчас дойдём дойдём, - сказал судья. - Сначала подлинность доказательств. Эксперт Малой Гавани, что вы сняли с борта?

Портовый техник появился на среднем экране, уже без той наглости, с которой приходил к нам, но и без желания кланяться дворянам.

- По распоряжению суда я подключился к кораблю. Управление не трогал, оружие не трогал, ничего на борту не правил.

- Я скопировал журналы медблока, дверей, ошейников, капитанского доступа, закрытого уровня и памяти искина. Каждую копию подписал цифровой отметкой и опечатал на судебном носителе.

- Отдельно отметил места, где записи стерли или пытались стереть. После стыковки заявители туда уже не могли залезть без срыва портовой печати.

- Следы чистки могли сделать Марк или Аня до прибытия?

- Нет. Часть чистки сделана раньше, чем корабль встал в Малой Гавани. И сделана она через старый капитанский доступ, а не через новый. Чистили быстро и криво: саму запись стерли, а след, что она была, оставили. Это касалось старых маршрутов полёта.

Юрист Ренов поднял руку, не желая отдавать экспертизу поле:

- На этой станции чинят угнанные и спорные корабли. Дом Рен не уверен, что местному технику можно верить.

Техник не принял наживку.

- Название станции тут ни при чём. Копии сняты и опечатаны. Если дом хочет спорить, пусть ваш эксперт смотрит эти же файлы и объясняет, почему запись стерли, а след от неё в журнале остался.

Судья постучал пальцем по столу.

- Репутацию станции попрошу не трогать тем, кто тут не вырос. Ругайте своё болото, а на своей станции мы как-то без вас разберёмся. Сейчас мы говорим о данных, а не о нашей станции.

Секретарь дал доступ, и Аня вывела на стену первый блок: запись из кают-компании, где Эвальд возвращался с уже налитыми бокалами фамильного шампанского, я ронял соусник, все отворачивались, а мои руки меняли бокалы местами. Дальше Кассий лез под стол за станером, стрелял в меня, Эвальд доставал второй, Аня пыталась ударить его стулом, и уже после этого на нас надели ошейники рабов.

- Вот здесь нас пытались усыпить, - сказала она. - Эвальд принёс готовые бокалы, Марк поменял их местами, поэтому смесь ушла Кассию и Эвальду. Когда мы не упали, они поняли, что план сорвался, достали станеры и вырубili нас уже силой.

Юрист Ренов не отступил.

- На записи видно, что Марк сам трогал бокалы, - сказал он. - Дом не может отвечать за то, что заявитель подлил в чужой напиток.

- Если бы это был наш яд, Кассий не сказал бы: "вы обе ещё сидите", - ответила Аня. - Он ждал, что упадем мы - на записи всё есть. Поэтому следующий блок.

На стене появились команды ошейников: активация, болевой режим, блокировка движения, дверной доступ на закрытый уровень. Потом пошло видео: нас с Аней ведут по коридору в ошейниках, я смотрю на каждую дверь и всё ещё ищу выход, а Кассий идёт сзади с довольным лицом человека, который уже решил вопрос и не ждёт сопротивления.

Юрист Ренов заговорил слишком быстро:

- Ошейники используются на закрытых судах в медицинских, дисциплинарных и игровых режимах. Демонстрация ошейника не доказывает преступного принуждения.

Аня вместо ответа включила звук.

"Сначала пусть поймёт, кому принадлежит".

После этой фразы в палате замолчали даже удалённые каналы. Судья несколько секунд держал взгляд на экране Ренов.

- Возражение по смыслу фразы? - спросил он.

Юрист Ренов не нашёл, как сделать эту фразу медицинской.

- Дом не может подтвердить контекст без полного архива.

- Контекст будет дальше, - сказала Аня.

Аня вывела не полный фильм, а обрывки того, что было на внутреннем сервере отсека Уровень 10. Там был агрегат 17, к которому пристёгивали тело Лиры, далее то, как Кассия и Эвальда скрутило, моё освобождение и надевание ошейников на пленителей.

- Почему дальше обрыв? - спросил судья.

Я не стал ждать, пока Аня возьмёт это на себя.

- Потому что я выключил запись.

Юрист Ренов сразу подался вперёд, но судья поднял ладонь.

- Зачем?

- Потому что мы только что нашли каталог Уровня 10, - сказал я. - Там чужие мучения лежали по папкам, аккуратно, с тегами, как музыка в плеере. Я понял, что камера сейчас пишет нас туда же, и остановил сеанс. Не хотел, чтобы из нас сделали ещё один файл для этой лекции.

Техник кивнул на среднем экране:

- В частной сети отсека есть такая команда: ручная остановка записи с локального терминала Уровня 10. Время совпадает. Дальше у нас остаются журналы дверей, аудиокomанды, команды ошейников в отсеке не пишутся ни в какую сеть, что особенно странно. Видимо то, что происходит в отсеке, не было предназначено для чужих глаз.

- Если бы искин видел эти камеры, все записи ушли бы в КосмосАИ при первой синхронизации, - добавила Аня. - Поэтому Кассий и Эвальд держали видео отдельно, а выключить его можно было только из самого отсека.

Техник на среднем экране поднял руку:

- У меня открыт закрытый канал к корабельному искину. По этому месту он просит дать техническое пояснение о чистке памяти.

- Откройте, - сказал судья. - Только по данным, без балагана.

В маленьком динамике на столе щёлкнуло:

- Уточнение для суда: память чистили люди, которые не понимают разницы между удалением файла и удалением следа удаления файла. Также они не умеют читать предупреждения, что мне лично показалось обидным. Я возил своего бывшего капитана туда, где люди не смогли бы сопротивляться незаконному захвату и пленению. В закрытый отсек обычно заходило трое

или четверо, а потом выходило двое с мешками, которые выбрасывали в космос. Я слышал лишь громкие крики боли из отсека и не мог ничего сделать.

Юрист Ренов резко подался вперёд.

- Искин является частью имущества дома и не может свидетельствовать против владельца.

Судья посмотрел на техника.

- Он сейчас не свидетельствует о владельце, - сказал техник. - Он поясняет свой журнал. Канал только на чтение памяти и голосовой ответ, управление кораблём через него закрыто.

Судья не стал спорить с динамиком и перевёл взгляд на техника.

- Сформулируйте сами и короче.

Техник заговорил уже без корабельного ехидства:

- По журналам видно три вещи. Закрытый уровень вёл видео отдельно от искина, запись остановили вручную с локального терминала отсека, старый капитанский доступ использовали для чистки памяти давно и несколько раз. После аварийной передачи доступа управление судном перешло к Марку и Ане. Искин подтверждает время, команды и следы удаления, но не делает выводов вместо суда. По сохранившимся у него данным, Марк и Лира были очередными жертвами двух маньяков, но в этот раз жертвам повезло оказаться зубастее хищников.

- Всё внесите в протокол, - сказал судья. - Канал оставьте закрытым, пока я сам не задам вопрос. Марк-Лира, как там вас, подойдите к стойке.

Я встал. Ноги Леры дрожали не от слабости, а от того, что экран ещё держал мой вид с ошейником, и мне пришлось пройти мимо этого кадра, не отворачиваясь.

- Вы подтверждаете, что к вам и Ане применяли станеры, ошейники и закрытый уровень против вашей воли?

- Подтверждаю. Нас не приглашали, нас конвоировали. Кассий и Эвальд были там не случайно и не спасать пришли. Они ударили нас станерами, надели рабские ошейники и говорили с нами как с жертвами, пока мы не могли уйти.

Юрист Ренов ждал именно этого момента.

- И за это вы убили Кассия Рена?

Аня поднялась раньше, чем я успел ответить.

- Вопрос нельзя превращать в признание без уголовной процедуры.

Судья повернулся ко мне и сразу обрезал дорогу к неосторожному самоубийству:

- Ответьте только в пределах факта, без героизма и без рассказа, который потом будут предъявлять против вас.

Я сцепил пальцы, потому что руки хотели показать юристу Ренов то, что рот показывать не должен.

- Полной записи финала нет, потому что я сам выключил запись в отсеке. Тел нет, и я не буду сочинять версию, удобную дому Рен. Мы оказались в месте, где к нам применили насилие, ошейники и оборудование закрытого уровня. Мы выбрались. Они нет. Так получилось. Что было внутри и как - сейчас не выяснить, любые наши слова не будут иметь доказательств.

- Дом считает отсутствие тел признаком сокрытия убийства, - сказал юрист.

- Тогда разбираем, что у нас есть, - сказал судья. - Тела есть?

- Нет, - ответил юрист Ренов.

- Запись самого закрытого уровня, где видно финал, есть?

Техник покачал головой на среднем экране.

- Полной нет. В памяти искина есть двери, ошейники, команды доступа и часть служебных журналов. Есть разговоры, которые ровнымсчётом ничего не доказывают. В частной сети Уровня 10 есть команда ручной остановки записи, поэтому финальный кусок не был сохранен как видеофайл.

- Следы избавления от тел?

- Есть отметки о выносе мусора из закрытого отсека, но что именно выносили не видно, мусор выброшен в гипер, - сказал техник. - Но по нему нельзя сказать, кто именно что сделал. Если тела ушли в гипер и их размазало по маршруту, это доказывает только то, что тел больше нет. В гипер-теле, выброшенные в шлюз, размазало бы равномерным слоем на несколько световых лет.

Судья посмотрел на экран Ренов.

- Они зашли в изолированный отсек вчетвером, а вышли вдвоём и выбросили тела в космос. Вам всем мало этого? Двое наших людей убиты, а вы делаете вид, что это обычная авария! - вскочил юрист дома Рен.

- Сядьте, - сказал судья так резко, что юрист замолчал на полуслове. - Они не вошли туда вчетвером добровольно. Ваши люди затащили двух свободных женщин в ошейниках, после станеров и болевого режима. Если бы всё было наоборот, вы сейчас требовали бы казни тех, кто это сделал. Как всё сложилось после отключения камер, мы не знаем. Тел нет, записи финала нет, экспертизы нет. Исчезновение тел в гипер не доказывает вину Марка и Ани. Дом Рен может подать отдельное уголовное заявление, но в этом заседании я не признаю их убийцами и не отдам вам судно на основании крика и подозрения.

Он сделал пометку в протоколе.

- По статусу заявителей документов нет. По смерти представителей дома доказательств для срочного решения нет. Значит, по-честному на этот момент Марк и Аня свободны, а корабль Ренам не возвращается.

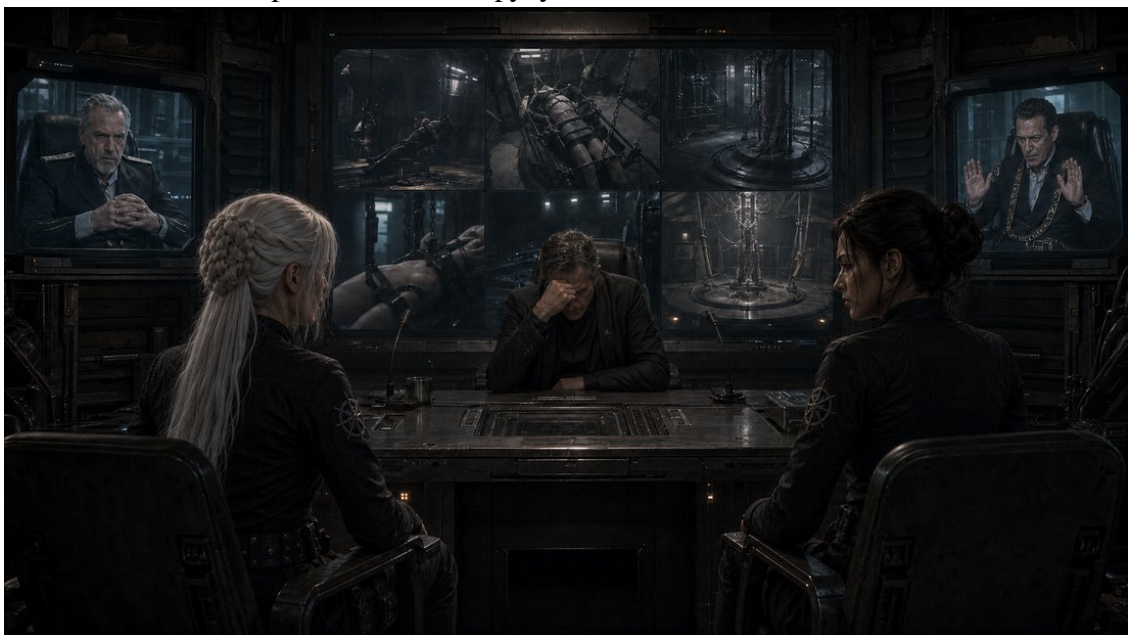
Аня вывела следующий блок, и в зале сразу стало тише. Это были материалы Уровня 10: не полный архив, а несколько самых шокирующих кадров как с корабля Ренов, так и из архива Ардена.

Судья поморщился. Секретарь перестал печатать на пару секунд. Даже портовый техник отвёл глаза от экрана. Он знал что по крайней мере кадры с корабля имели его цифровую подпись и были на сто процентов достоверными.

Юрист Ренов первым пришёл в себя:

- Дом Рен просит закрытый режим немедленно.

Фальк почти одновременно поднял руку:

- Фонд Ардена поддерживает ходатайство. Материалы затрагивают лиц, не присутствующих на заседании.

Судья согласился без сочувствия.

- Закрытый режим. Посторонние выходят, запись остаётся непубличной, стороны предупреждаются об ответственности за публикацию до решения суда.

Охрана вывела лишних, глушители связи включились, дверь закрылась тяжелее, чем раньше, и маленькая палата сразу стала похожа не на суд, а на комнату, где богачи пытаются не выпустить правду наружу.

Юрист Ренов сразу пошёл в атаку:

- Материалы украдены. Нет доказательств, что они относятся к дому Рен, а не подложены после смерти Кассия и Эвальда.

Фальк добавил:

- И нет доказательств, что фонд Ардена имеет к ним отношение.

Судья повернулся к технику:

- Подлинность?

- Файлы лежали в памяти компьютера с закрытого отсека до стыковки в Малой Гавани, - сказал техник. - Метки времени старые. Подложить это после прилета заявителя не могли: портовая печать уже стояла. Вердикт - материалы подлинные и записаны в закрытом отсеке. Первичный анализ указывает на то, что в отсеке было замучено и снято на камеру как минимум 89 жертв. Личности устанавливаются иском КосмосАИ.

Рены сразу начали отступать от собственного корабля.

- Дом не знал о частных действиях Кассия и Эвальда, - сказал юрист. - Если они использовали судно для личных преступлений, дом не может отвечать за каждое безумие погибших представителей.

Фальк произнес почти то же самое, только чище:

- Фонд Ардена не подтверждает участие в преступных действиях Кассия и Эвальда. Что касается материалов с отметками фонда, их происхождение требует отдельной проверки.

Аня не дала ему спрятаться и съехать с темы:

- Проверяйте сколько хотите. У нас есть не только папки Ренов. Там есть арденовская витрина с несколькими уровнями, все имена рабов, купленных различными клиентами Ардена и видеозаписи с их дальнейшей незавидной судьбой. Незавидная - это именно Уровень 10. Всё записано на квантовую флешку и скопировано с подтверждением происхождения. Где и как - не ваше дело.

Судья потер переносицу.

- Прекрасно. Живые ничего не знали, мёртвые уже не возразят, корабль весь в следах пыток от двух маньяков, архив Ардена - это вообще скандал на половину сектора. Там такие имена в архиве, что головы только так полетят. Да проще им флот прислать, сказав что тут смертельная ветрянка и нас всех надо зачистить. Я не хочу поднимать это на краю галактики, если стороны способны решить срочные вопросы мировым соглашением - договаривайтесь сами, даю вам время.

Он посмотрел на все три экрана по очереди и продолжил:

- Марк и Аня получают свободный статус и корабль. Судебная копия материалов остаётся здесь. Закрытый режим сохраняется, если Рены и Арден компенсируют ущерб и откажутся от охоты. Дальше либо мировая, либо я запускаю полную экспертизу и уведомления по списку.

Юрист Ренов резко повернулся к Фальку.

- Дом Рен не уполномочивал фонд Ардена вести переговоры по родовому судну.

Фальк не удостоил его ответом.

- Ваш дом потерял судно с закрытым уровнем, живых свидетелей, архивные записи и двух старших представителей. Сейчас вам лучше не спорить о полномочиях, а радоваться, что эти двое пришли в суд, а не в общую сеть архив слили. Тогда нас с вами уже бы хоронили в ближайшей звезде.

Фальк понял первым и сказал уже без прежней медленной важности:

- Назовите условия заявителей.

Аня положила ладонь на стол и заговорила по пунктам, без просьбы в голосе.

- Первое: суд прямо закрепляет, что мы с Марком не рабы дома Рен, не имущество фонда Ардена и не возвращаемые активы.

Второе: "Серебряный клинок" передается нам в собственность и регистрируется под новым именем.

Третье: дом Рен прекращает охоту и не имеет права требовать нас силой.

Четвертое: судебная копия доказательств остаётся в Малой Гавани.

Пятое: Рены и Арден платят компенсацию за удержание, медицинское воздействие, повреждение правового статуса, неразглашение компрометирующих материалов.

Юрист Ренов стукнул ладонью по столу на своём конце связи.

- Корабль должен остаться под арестом, иначе дом фактически признает передачу родового рейдера лицам без устойчивого статуса.

Судья ответил раньше Ани:

- Статус я уже оценил: свободные субъекты. Нейтральный арест возможен только там, где нейтральность можно защитить, а в Малой Гавани я не вижу хранителя, которого дом Рен или фонд Ардена не попробуют купить к утру. Судно регистрируется за заявителями как часть соглашения, но копия доказательств остаётся у суда, а уничтожение логов запрещается отдельным пунктом.

Фальк наклонился ближе к камере.

- Полный архив остаётся закрытым бессрочно.

- Нет, - сказала Аня. - При отсутствии новых нападения материалы не уходят в сеть. Если нас похищают, травят, покупают порт или снова пытаются вернуть в ошейники, архив получает право быть обнаруженным.

- Вы не успеете, если решение примут быстро.

Аня достала маленький носитель и положила его на стол.

- На нём не архив. На нём инструкция для людей, которые уже знают, что делать, если мы не выйдем из здания или если наш корабль внезапно потеряется в доке. Можете проверить сам носитель через изолированный терминал суда, но не советую подключать его к своей сети, если дорожите чистыми журналами.

Я понял, что до этой минуты знал не все папки, которые она успела разложить.

Судья потер переносицу; он уже понял, что спокойным этот вечер не будет.

- Сумма компенсации должна быть названа сейчас, иначе вы снова уйдёте в угрозы.

- Пятьсот миллионов каждой, - сказала Аня - плюс ремонт судна после последнего боя, где нас пытались схватить.

Я едва не поперхнулся воздухом, но на этот раз сумел не испортить момент.

Юрист Ренов вскочил на экране.

- Миллиард? За двух заявителей без титула и вообще с закрытой планеты?

- Сенатор Тодд был готов заплатить за нас столько Ардену, - сказала Аня. - Значит, рыночную цену вы уже знаете. Только теперь вы платите не за покупку, а за то, что нас незаконно держали, пытались вернуть в ошейники и просите молчать о материалах, от которых у половины сектора начнётся бессонница.

Фальк впервые потерял невозмутимый вид:

- Сделка Тодда была сорвана до завершения. Нельзя считать несостоявшуюся ставку основанием для компенсации.

- Тогда считайте основанием то, что у нас есть архив Ардена, записи Ренов, судебная копия и живые голоса, - ответила Аня. - Пятьсот миллионов каждой. Это дешевле, чем объяснять сенатору, почему он торговался за людей, которых вы теперь называете свободными заявителями.

Фальк спросил почти без голоса, устало потирая переносицу:

- Выплата кому и когда?

- На судебный депозит Малой Гавани до выхода судна из дока. По пятьсот миллионов Марку и Ане. После регистрации "Возмездия" деньги переводятся нам на обезличенные платёжные карты. Если деньги не приходят, соглашение не вступает в силу, а суд запускает полную экспертизу и уведомления по списку.

Техник на экране осторожно поднял палец.

- По ремонту могу расписать так подробно, что компенсация перестанет казаться главным расходом.

Судья пригрозил ему пальцем:

- Эксперт, если вы сейчас начнёте помогать одной стороне торговаться, я назначу вас читать все приложения к делу вслух.

- Молчу, ваша честь, но с уважением к смете расходов.

После этого начался торг.

- Сто миллионов на двоих, закрытое хранение архива у Ардена и арест судна до следующего заседания, - сказал Фальк.

- Нет, - ответила Аня. - Вы сейчас просите не соглашение, а время, чтобы вычистить следы.

- Дом Рен требует хотя бы нейтрального дока, - сказал юрист. - Родовое судно нельзя оставить у людей, чей статус только что был признан в срочном порядке.

- Статус признан, потому что у вас нет документа о рабстве, - сказал судья. - А нейтральный док в этой системе купят быстрее завтрака, если за него начнут спорить Рены и Арден.

- Двести миллионов на двоих, - сказал Фальк.

- Пятьсот каждой, - сказала Аня. - И запрет публикации действует только пока вы нас не трогаете.

- Это грабеж, - сказал юрист Ренов.

- Нет, - сказал судья. - Грабеж обычно выглядит как выстрел из станнера по двум слабым девушкам и надевание на них ошейников.

- Триста на двоих и бессрочный запрет, - сказал Фальк.

- Бессрочный запрет бывает у мёртвых, а мы пока планируем жить.

- Дом Рен не заплатит миллиард людям, которые угнали наш корабль и убили двоих представителей рода, - сказал юрист.

- Тогда не платите, - ответила Аня. - Пусть суд разошлет список имен из архива, а мы посмотрим, сколько стоит тишина после этого.

Фальк закрыл глаза на пару секунд и явно считал уже не деньги, а скорость распространения скандала.

- Фонд Ардена готов внести свою часть, если дом Рен внесет свою.

Юрист Ренов повернулся к кому-то за кадром. Там спорили без звука, но по лицу юриста было видно, что спор короткий и неприятный.

- Дом Рен согласится на выплату при условии, что в протоколе не будет признания вины.

- Признание вины мне от вас не нужно, - сказала Аня. - Мне нужны деньги, корабль и запрет подходить к нам с ошейником.

В итоге судья сам собрал формулу:

- Марк и Аня признаются свободными субъектами права, не рабами и не имуществом.

- Судно регистрируется за ними под новым именем.

- Судебная копия доказательств остаётся в Малой Гавани.

- Публикация закрывается до нового прямого нападения на заявителей.

- Дом Рен и фонд Ардена платят один миллиард кредитов через судебный депозит до выхода судна из дока: по пятьсот миллионов каждому заявителю.

- Смерть Кассия и Эвальда Ренов не рассматривается в этом заседании и может идти только отдельной уголовной процедурой. Я что-то искажил?

Фальк молчал дольше, чем раньше, потом ответил:

- Арден согласится, если запрет публикации будет стоять первым пунктом после выплаты.

Юрист Ренов с трудом выдавил:

- Дом Рен не признает вины представителей дома.

- Никто не просит вас становиться честными прямо сегодня, - сказала Аня. - Нам достаточно, чтобы вы подписали то, что можете выполнить.

Я всё-таки не выдержал:

- Вы правда думали, что дешевле будет купить нас обратно?

Юрист Ренов теперь смотрел не на Лиру-17 из реестра, а на меня, и по его лицу было видно, что это ему не нравится.

- Мы думаем, что вы не понимаете цену долгой охоты. Деньги заканчиваются, защита заканчивается, случайные союзники устают, а родовая память работает долго.

- А вы не понимаете, как хотят выжить те, кто вырвался на свободу. После этого угрозы звучат не страшно, а скучно, потому что самое мерзкое вы уже показали, - спокойно сказал я.

Аня не пнула меня под столом, и я решил, что в этот раз попал куда надо.

Финальный протокол собирали прямо в зале. Секретарь вбивал формулировки, судья вычеркивал угрозы Ренов, юрист Ренов пытался вернуть слово "имущество", Аня каждый раз заменяла его на "заявители", и на пятой правке секретарь уже делал это сам.

Сделку подписали уже к вечеру по времени станции. Наши подписи легли в протокол прямо в зале, Рены и Арден поставили заверенные цифровые печати со своих каналов, а секретарь отдельно приложил ДНК-сверку, чтобы потом никто не рассказывал про подмену участников на связи.

Судья прочитал итог сам:

- Первое: Марк и Аня признаются свободными субъектами права, а требования о передаче их дому Рен как имущества отклоняются.

- Второе: судно "Серебряный клинок" регистрируется за Марком и Аней под новым именем "Возмездие".

- Третье: компенсация в размере одного миллиарда кредитов подлежит выплате заявителям через судебный депозит до выхода судна из дока, по пятьсот миллионов Марку и Ане.

- Четвертое: материалы Уровня 10 не публикуются заявителями до нового прямого нападения на них.

- Пятое: суд не устанавливает виновность Марка и Ани в смерти Кассия Рена и Эвальда Рена, этот вопрос может рассматриваться только в отдельной уголовной процедуре.

Слово "Марк" прозвучало странно. Не Лири-17, не номер из заявления Ренов, а Марк; и пусть Рены завтра попробуют обойти эту бумагу, сегодня моё имя стояло в протоколе рядом со словом "свободный".

После заседания мы вышли в коридор, и я только там понял, как сильно устал. Лири устала от сидения сильнее, чем от бега, Аня держалась ровно, но губы у неё побелели, как после драки.

- Ты только что выбила у них корабль, миллиард и свободу, - сказал я.

- Свободу, - повторила она. - Не безопасность. Нужно держать ухо востро и готовиться защитить себя.

Экран Фалька в зале ещё не погас, и его голос догнал нас через динамик у двери.

- Арден не забывает.

Аня повернулась к камере.

- Хорошо. Нам пригодится враг, который хотя бы помнит, за что его ненавидят.

Юрист Ренов ничего не сказал. Его экран уже гас, но он до последнего пытался взглядом вернуть меня в графу имущества.

Я улыбнулся ему, пока связь ещё держалась.

- Корабль теперь называется "Возмездие". Передайте дому, вдруг захотят отправить открытку.

Аня дёрнула меня за рукав.

- Пошли, капитан.

В док мы вернулись уже затемно. Теперь это был не доказательный бокс под арестом, а наш корабль под судебной отметкой, и портовая печать открыла нам право вывести его из хранения и поставить туда, куда ставят корабли нормальные граждане с деньгами, документами и желанием жить дальше.

* * *

Аня выбрала хороший ремонтный док, и мы перегнали туда "Возмездие". Старший мастер вышел сам: седой, высокий, в рабочей куртке и с лицом человека, который видел и богатых идиотов, и бедных гениев, и обоим одинаково не уважал.

- "Возмездие", - прочитал он новое имя на временной бронеплите. - Звучит как предупреждение.

- Нам нужно, чтобы оно ещё и летало как предупреждение, - сказала Аня.

Искин корабля тут же с достоинством сообщил, что регистрация имени принята, судебная отметка внесена, родовые протоколы дома Рен вычищены, а в трёх сервисных файлах найдены остаточные оскорбления в адрес новых владельцев.

- Оставить в карантине, - велел я. - Корабль тоже должен помнить, из какой помойки выбрался.

Аня впервые за весь день улыбнулась нормально.

Мастер провёл нас в стеклянную комнату над доком. Внизу "Возмездие" стояло уже не как место, где нас чуть не сломали, а как дорогая хищная яхта, у которой слишком много красивых линий и слишком мало зубов.

- Маленький линкор из него не выйдет, - сказала Аня и положила на стол наш список. - Нам нужен рейдер. Уйти от корвета, пережить несколько залпов, сбить ракету у борта и больно укусить того, кто решил, что две девчонки на дорогом корабле - лёгкая добыча.

- То есть быстрая муха со смертельным жалом, - сказал мастер, пробежав список глазами. - Щиты дают вам секунды на ошибку, зенитки счищают мелочь, торпеда заставляет крупную цель держать дистанцию, двигатель решает, когда бой начался и когда он для вас закончился. Это можно собрать. Если не пытаться одновременно сделать крепость, храм и бордель.

- Бордель уже был, - сказала Аня. - Его вырезать первым.

С этого и начали. Сервисные следы дома Рен ушли в мусор, закрытые сети вычистили, двери перепрошили. Потом пошли щиты. Старые эмиттеры для богатой прогулочной яхты были нормальными, для бегства от корвета - нет. Мы с Аней ткнули мастеру места, куда нам уже прилетало, и предложили часть эмиттеров поставить на магнитные рельсы вдоль силовых рёбер.

Идея была простая. Щит плотнее там, где эмиттер ближе к нужному сектору корпуса. Если держать всё намертво, корабль прикрыт ровно, но средне. А если в момент разворота или залпа сдвинуть эмиттеры к одному борту, то на несколько секунд там получается не бумажная ширма, а нормальная стена. Питание шло по тем же рельсам, и корабль мог сам гонять защиту туда, где сейчас больнее.

Мастер посмотрел на меня с уважением, которого я от него не ждал.

- Не дурацкая идея.

- Я тоже удивился, - сказал я.

- Я про идею, а не про вас.

К щитам добавили зенитки ближней обороны и пару рельсовых пушек основного калибра в носовые скулы. Не линкорные монстры, конечно, но уже не украшение. Мелочь с хвоста счищали зенитки, а эти два ствола могли неприятно стукнуть по корвету, если тот подставится и решит, что яхта умеет только красиво убегать.

Искин обиделся, когда мастер сказал, что старые владельцы учили его открывать шампанское лучше, чем вести огонь по четырём секторам, и сухо уточнил, что шампанским занимались сервисные дроны.

- Раз железо уже оправдывается, характер у корабля есть, - решил мастер. - Осталось дать ему зубы.

Главный зуб поставили в бывшую пыточную кладовую рядом с закрытым уровнем. Судебные техники уже вынесли оттуда оборудование, и я даже не стал спрашивать, сколько оно стоило. На освободившееся место встал тяжёлый торпедный аппарат: одна труба, три тяжёлые торпеды, несколько средних и учебная болванка. Не флотский арсенал, зато достаточно, чтобы крейсер впервые в жизни задумался, зачем он полез обижать маленьких.

Потом Аня открыла блок дронов, и мастер перестал делать вид, что наш заказ его не удивляет. Штурмовые машины для коридоров, щитовые дроны для первого огня, космические дроны для работы рядом с корпусом. На схеме сразу стало тесно.

- Это уже не доработка яхты, - сказал мастер, убирая две гостевые каюты. - Это дрон-станция. Зарядка, ремонт, боекомплект, отдельный выход наружу под броневого створкой. Гости потеснятся.

- Гости сначала должны пережить знакомство с нами, - сказала Аня. - Потом пусть жалуются.

Реактор пришлось менять почти сразу. Старый тянул прежнюю роскошь, но новые щиты, зенитки, пушки, дроны, торпеды и маневровые двигатели заставили бы его выбирать между "убежать", "стрелять" и "не умереть". Мы поставили новый блок и быстрый накопитель, который мог на короткий пик отдать мощность туда, где прямо сейчас горит жизнь.

С двигателем и гипером мастер возился дольше. После моего прыжка против течения вакуума я уже понимал, что хороший пробойник отличается от плохого примерно как дверь от нарисованной двери.

Старый пробойник был гражданским и приличным: вольфрамовая рубашка, ториевый сердечник, нормальная лазерная юстировка. Для обычных прыжков хватало. Но после грязных выходов и прыжков не туда, куда гипер сам тащит, сердечник ловил микротрещины, частота плыла, а дальше корабль мог вывалиться из гипер в месте, где тебя уже ждёт чужой прицел.

Мастер предложил максимум без военного допуска: пробойник на уране-238, новую силовую оболочку, усиленное охлаждение камеры, точную лазерную юстировку и программу, которая лучше подбирала глубину пробоя и момент выхода. Уран-235, по его словам, уже шёл на военные корабли, а про плутониевые пробойники в приличном сервисе говорили тише, чем про чужих любовниц.

Это не делало нас быстрее флота. Зато снижало шанс сжечь пробойник, сорвать трещину или вывалиться из гипер прямо под нос корвету.

- С кем вы воюете? - наконец спросил мастер.

Я открыл рот, но Аня ответила быстрее:

- С теми, кто решит, что мы снова не готовы.

Мастер кивнул.

- Тогда заказ понятен.

Последним открыли внутренние отсеки. На схеме красным вспыхнул старый десятый уровень, и у меня внутри неприятно сжалось.

- Этого больше нет, - сказала Аня. - Срезать крепления, убрать частную сеть, перепрошить двери. Здесь будет тренировочный зал.

- Для кого?

- Для нас. Маты, страховка, медицинский контроль, тир, круг Лаэр-вина и боевые андрониды-манекены. Не красивые болванки для богатых деток, а нормальные машины, которые умеют бить, падать, держать щит, изображать пьяного пирата в коридоре и не обижаться, если им случайно оторвут руку.

Мастер посмотрел на меня.

- Вам случайно?

- Мне пока всё случайно, - честно сказал я.

- Одиночная работа и парная, - продолжила Аня. - Я не хочу второй раз надеяться, что мы выкрутимся на злости и удаче.

- Ограничитель нагрузки ставить?

- Ставить, - сказала Аня. - Но грубый. Марк иногда учится только через боль.

Я хотел возмутиться, но последние дни слишком убедительно выступили на её стороне.

Смета вышла почти в сто миллионов. Миллиард в протоколе суда звучал как богатство, а в доке превращался в строки заказа.

- Девять дней, - сказал мастер. - Если не полезете под руки и не начнёте передумывать. Начнёте - прибью к смете как дополнительное оборудование.

- А коротко? - спросил я. - Что мы получим?

- Быстрый рейдер, который может ударить, сбить мелочь с хвоста, выпустить дронов, прыгнуть и удрать до того, как ему всыпали. Класа у такого уродца нет. Но если в уродца вложить много денег, он начинает кусаться как породистый монстр.

- Дорогая муха, - сказал я.

- Зато с двумя дамами внутри, - ответил мастер и рассмеялся.

На этом покупки не закончились. Аня сразу потащила меня на оружейный этаж, пока я ещё привыкал к мысли, что деньги можно тратить со скоростью выстрела.

Сначала она выбрала тренировочную форму: короткие топы, обтягивающие шорты, крепления под датчики и утяжелители.

- Серьёзно? - спросил я, глядя на топ.

- Серьёзно. Это удобно для спорта. А тебе мышцы нужны. Радуйся, что я не выбрала розовое.

Потом пошли лёгкие бронескафы. Тоньше прежних, зато быстрые, с хорошими суставными усилителями. Они не делали из меня орка, но хотя бы убирали ощущение, что тело Лиры создано для красоты, падения и чужих проблем.

Оружие продавец выдавал спокойно ровно до середины списка. Бластеры, штурмовые комплексы, батареи, гранаты, мины "для спорных переговоров", одноразовые ручные щиты, маскполя, сенсоры, кабельные жуки, переносные РЭБы, терминалы удалённого доступа для моих будущих глупостей и базы по всему, что могло спасти нам жизнь или хотя бы объяснить, почему она сейчас кончается.

На словах "стационарный блок зарядки" продавец поднял глаза.

- Простите, дамы, документы у вас точно есть или мне уже начинать медленно отползать от стойки?

Аня молча положила перед ним судебное решение, регистрацию "Возмездия" и заказ-наряд из дока.

- Назначение пишите: тренировки экипажа, диагностика, связь и оборона собственного борта.

Продавец посмотрел бумаги, потом на нас, потом снова на список.

- У меня охотники за головами закупаются скромнее.

- Значит, они плохо планируют, - сказала Аня.

Когда итоговая сумма сложилась, я понял, что оружейный этаж стоил нам ещё пару верблюдов.

- Мы теперь богатые или просто очень быстро перестали ими быть? - спросил я.

- Мы теперь не голые перед первым встречным корветом.

- Почти сто миллионов за корабль и ещё пара миллионов за железки, от которых продавец сам шарахается, это у тебя "не голые"?

Аня посмотрела на меня уже без улыбки.

- Да. Потому что я помню, как мы убегали от пиратов, придерживая юбки и стреляя из того, что случайно оказалось в руках. Один миг, одна ошибка - и мы снова в ошейниках. Я больше не хочу жить на том, что враг промахнётся первым.

- Мы теряем девять дней, - сказал я. - Рута, Лера, Костяной причал.

- Если полетим сейчас, прилетим теми же двумя беглянками. Если через девять дней - у нас будет корабль, броня, оружие и хоть какой-то шанс забрать своих, а не лечь рядом с ними. В полёте будем учиться каждый день, пока ты не перестанешь падать в теле Лиры как мешок.

- Я не падаю как мешок, - сказал я. - Ладно. Чем займёмся эти девять дней, пока тренировочный зал ещё не готов?

Аня посмотрела на станцию за стеклом и многообещающе хмыкнула.

- А чем могут заняться две очаровательные обеспеченные дамы на хорошей современной космической станции? Не знаю. Но обязательно узнаю.

Глава 4. Молот

Сначала меня держали в шкафу.

Так я называл мозговой короб. Чёрная крышка, питание, охлаждение и ровное гудение, от которого через пару часов начинаешь ненавидеть собственные мысли. Света не было. Звук не было. Тела не было: ни кулака, ни зубов, ни головы, которую можно повернуть к двери.

В темноте быстро кончаются понты. Первый день я злился. Со второго начал вспоминать.

Сначала всплыла кухня: разбитая кружка и женщина у стены, которая молчала и зажимала ладонью разбитую губу, пока я орал. Кружку разбил я. Губу — тоже я. Потом всплыла другая женщина. Потом третья. Дома, на Земле, я называл это «жёстким характером» и «сама довела». Из шкафа это выглядело тем, чем было: я бил тех, кто слабее, потому что мог.

А хуже ударов помнилась мелочь — то, что было между ними: как хватал за плечо, как нависал сверху, как возвращался пьяный и ждал, что меня всё равно пустят, как хлопал дверью, чтобы она вздрогнула. Я всю жизнь был сильнее, громче и тяжелее — и пользовался этим каждый день. В шкафу от этого набора не осталось ничего. Оправданий тоже.

Счёт времени я потерял между вторым и третьим разом, когда пытался уснуть. Мозг без тела спит плохо.

Потом питание дёрнулось, короб сняли с фиксаторов, и мир вернулся: вибрация пола через крепления, стук ботинок, рывки тележки. Лифт, коридор, ещё лифт, шлюз. Глухой удар рамы о крепления.

— Короб принят для платформы Молот-6, — сказал незнакомый голос. — Мозг живой, питание ровное, аварийные каналы отвечают.

— Куда меня везут? — спросил я, когда мне открыли голосовой канал.

Пауза вышла длинной. Груз заговорил первым — такого пункта в инструкции у техника, похоже, не было.

— На проверку управления, — ответил он. — Штурмовая платформа Молот-6 свободна, родной пилот погиб. Выдержишь подключение — поедешь дальше.

— Дальше — это куда?

— На войну. Остальные вопросы после проверки. Канал не забивай.

Про войну он сказал так же ровно, как про питание.

* * *

Пока меня подключали, техник назвал главное.

— Молот-6, штурмовая платформа для тоннелей. Четыре метра, восемь тонн, четыре опоры, толстая броня. Энергощита нет и не проси: в тесном ходу силовой контур цепляет стены и своих, вреда от него больше, чем толку. Броня отразит урон, если сможет. Слабые места — швы между плитами и сочленения опор, туда лезет всё, что захочет тебя убить.

— А убивать я чем буду?

— Спереди два манипулятора с клинками, в правом пилорезак — резать двери и хитин. Пушки плазменные, ближнего боя: бьют недалеко, но прожигают всё, что лезет на броню. Держишь спуск дольше десятка выстрелов — перегрев, поэтому только короткими. На раме спереди и сзади буксировочные кольца: потеряешь ход — вытащат тросами.

Камеры, метки своих и запретную линию он показывать не стал — сказал, сам увижу в тренажёре. Про одно предупредил отдельно:

— Связь с корпусом идёт через живой позвоночный столб платформы. Любой блок в тебе заменим. Столб — нет. Береги его, как берёг бы собственный хребет.

Симулятор включился, и я увидел белый учебный пол, расчерченный линиями. Вместо тела — прямоугольник корпуса, четыре серые опоры, две длинные отметки манипуляторов. Я попытался пошевелить левой рукой — дёрнулась передняя левая нога. Попытался повернуть голову — обзор разъехался на шесть камер: передняя, боковые, задняя, нижняя, тепловая и схема, где зелёные точки обозначали своих.

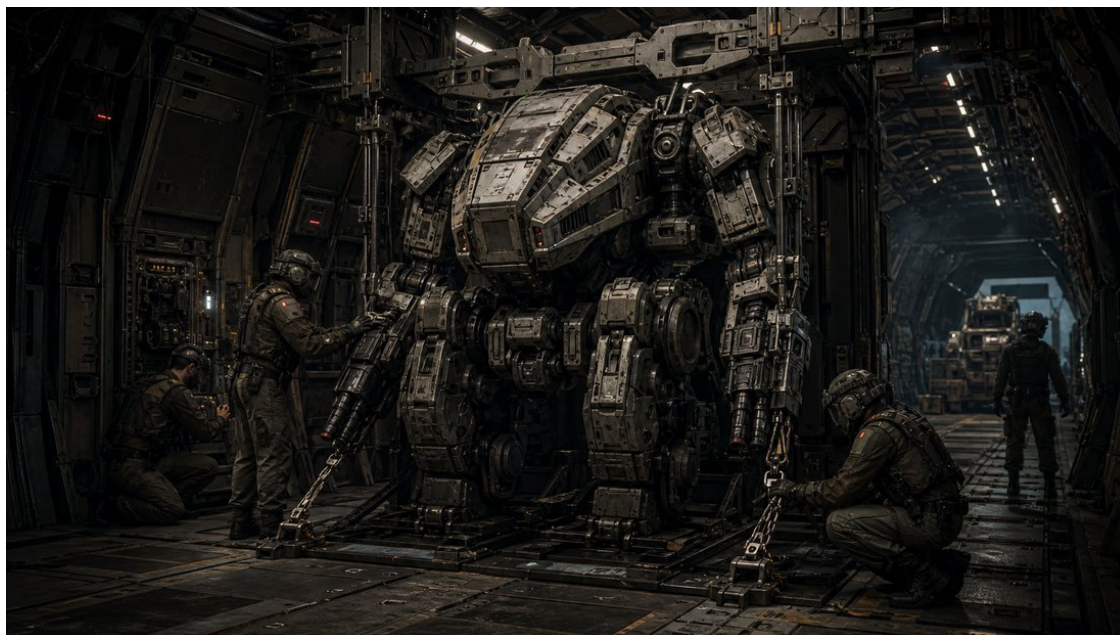
Я сделал шаг и раздавил две зелёные точки.

«Свои погибли», — написала система.

На экране — просто метки. Но я слишком хорошо знал, каково это, когда кто-то тяжёлый наступает не глядя. Всю жизнь этой тяжестью был я.

— Ещё раз, — сказал техник. Даже не выругался.

Со второй попытки я раздавил одну. С третьей завалился на бок: перенёс вес как человек, с ноги на ногу, — а у платформы вместо ног четыре опоры и восемь тонн, и они идут туда, куда ушёл вес.

— Не ищи старые руки, их нет, — сказал техник. — Есть корпус, опоры, два манипулятора и оружие, которое смотрит вперёд. Порядок один: нижняя камера, вес, корпус, оружие. В любом другом порядке ты убиваешь своих.

— Сколько у меня попыток?

— Нисколько. Третья волна уходит через одиннадцать часов, тебе из них дают четыре. Не пройдёшь — вернёшься на склад, а пехота пойдёт в тоннели без тяжёлого прикрытия. Так что не трать время на самолюбие.

Лекций он читать не стал — просто загрузил запись.

— Кхар-Нём, прошлая высадка. Группа «Клин», шлемные записи. Все мертвы. Симулятор собрал из записей тоннель, а тебя ставит туда платформой, которой у них не было. Пройди их маршрут. Умирать можешь сколько угодно. Время пошло.

Первый раз я умер через четыре минуты.

Тоннель был узкий, живой, тёплый. По стенам шли жилы. Мелкие твари — резаки, размером с собаку — выкатились из бокового хода волной и полезли на корпус. Я жёг их плазмой, давил опорами, стряхивал манипуляторами. Система мигала жёлтым по сочленениям опор, но толстую броню мелочь не брала, и я перестал обращать на неё внимание.

Это была ошибка. Мелочь и не собиралась пробивать броню. Она вцеплялась в опоры и сочленения и держала меня на месте — для того, кто шёл следом.

Он вошёл в тоннель следом за мелочью: ниже меня, шире меня, лоб — сплошная костяная плита. Запись назвала его горбачом. Я выстрелил в лоб, но плазма оставила на костяной плите только раскалённую борозду. Ответный удар пришёлся в передние опоры: восемь тонн моего корпуса снесло на стену, привода порвало, экран залило красным.

«Платформа уничтожена. Личный состав группы уничтожен».

— Лбом его не возьмёшь, — отметил техник. — Кость на карбиде бора, они её растят, как мы ногти. Бей в мешки на спине или под сустав. И не стой на месте, когда мелочь виснет на броне: она тебя не ест. Она тебя держит.

Второй раз я умер через семь минут. Горбача я прошёл — принял сбоку корпусом, свалил, добил клинком под сустав — и встал в проходе, довольный, как после хорошей драки. Со стены плюнуло. Белая жижа легла на бронеплиту и не сделала ничего. Я пошёл дальше. Через минуту левая передняя опора перестала слушаться: кислота не ела плиту — она затекла в сочленение и съела привод изнутри.

«Подвижность потеряна». Дальше меня разобрали на месте, не торопясь.

— Кислота в швы, — поучительным тоном произнёс техник. — Плиту она не берёт. Зазоры берёт. И сам ты её из стыка не достанешь: манипуляторы до собственных сочленений не дотягиваются. Попал под плевок — сразу докладывай, счищает её инженер, который идёт рядом. Поэтому от пехоты не отрывайся. Без людей ты в тоннеле не боевая машина, а консервная банка с мозгом внутри.

Третий раз меня убил их плазморез. Тварь размером с горбача, но с керамическим соплом в пасти. Она била короткой раскалённой струёй с двадцати метров — точно в шов между плитами, туда, где уже поработала кислота. Живая пушка, выращенная роем. Запись показывала, как та же струя по одному вскрывала скафандры группы «Клин».

Четвёртый заход я шёл двадцать шесть минут и дошёл до конца записи — до широкой камеры, где «Клин» поставил заряд в толстую пульсирующую жилу, отошёл на двадцать метров и подорвал. Дальше запись знала только одно: из боковых ходов полезли горбачи, и зелёные метки погасли все, одна за другой. Последний кадр — боец тащит второго, без ног, и не бросает.

— Они взорвали не то? — спросил я.

— Кормовую жилу. Приняли её за управляющий ствол. Матка потеряла кусок тела, осталась жива и съела группу на отходе. Поэтому в этот раз с ядром идёт биолог в лёгкой броне и с оборудованием. Твоя работа простая как у всех: он должен дожить до матки и обратно.

— Пятый заход?

Техник ответил не сразу.

— Не надо. Двадцать шесть минут для человека, который утром был коробом на складе, — это больше, чем я ждал. Пишу в протокол: условно годен, установка временная, допуск аварийный. Дальше тебя проверит строевой офицер. Он будет придирчивее меня.

* * *

Транспортник трянуло на посадке. По внешней камере проползли грязные огни коридора, броневые створки и надпись «Костяной причал». Базу били не раз — и не раз чинили: свежие заплатки лежали поверх старых.

В ангаре платформу опустили на пол. Передняя левая опора коснулась покрытия, за ней остальные. Вес пошёл по корпусу, пол ответил низким гулом, и я впервые за много дней стоял сам в своём новом робо-теле.

Стоять было странно. Восемь тонн держались на четырёх опорах, и я чувствовал их не мышцами, а нагрузкой на приводы — как чувствуешь тяжёлый рюкзак, только рюкзаком был

весь я. Сердце не билось, потому что сердца не было. Грудь не поднималась, потому что не было груди. Шесть камер показывали всё сразу, и я всё ещё пытался «повернуть голову», хотя головы у меня тоже не было. Люди подо мной казались маленькими и хрупкими: техник у передней опоры едва доставал мне до сочленения, и я поймал себя на том, что боюсь качнуться, чтобы его не задеть. Раньше я входил в комнату и мерил её тем, кого в ней могу передавить. Теперь я мерил её тем же — только передавить мог случайно, всех сразу, и это было совсем другое чувство.

Костяной причал был не парадной базой, а рабочей, битой, живой. Через ангар несли ящики и раненых с прошлого дела. У стены двое бойцов чинили погрузчик и беззлобно переругивались. Кто-то жарил на самодельной плитке — по камере тянулся пар, и к нему стягивался десяток человек, как к дому. База, наверное, пахла гарью, потом и едой. Я этого уже не чувствовал. Но видел, что люди тут не отбывают службу. Они тут живут.

У ворот ждал пожилой полковник — широкий, седой, со шрамом через бровь. По дороге он задержался у носилок, где лежал обожжённый парнишка, сказал ему что-то, и парень слабо усмехнулся. Только потом полковник подошёл ко мне. На платформу с мозгом он посмотрел так, будто ничего особенного в ней не было.

— Я Вест, командир базы, — сказал он. — Слышал, ты условно годен. У меня вся база условно годная, вступишься. Сейчас Орс прогонит тебя по трассе. Никого не раздавишь — пойдёшь с третьей волной. Вернёшься — накормлю весь взвод нормальным ужином, а тебе сменим масло в приводах. У нас это считается праздником для роботов.

— Постараюсь заслужить масло, полковник.

— Заслужи, — сказал Вест. — Я своих кормлю сам, повару не доверяю. Раз в неделю встаю к плите и гоню всех за стол, даже тех, кто ноет, что не голоден. Живой человек должен есть с живыми людьми. Ты теперь живой человек, хоть и в железе. Значит, тоже сядешь.

Он хмыкнул и ушёл к докам, по дороге хлопнув по плечу того, кто жарил на плитке.

Потом я много раз вспоминал и этот несостоявшийся ужин, и то, как Вест кормил своих сам.

Капитан Орс времени на знакомство не тратил.

— Правила такие, — сказал он. — Через своих не стреляешь, на зелёные метки не наступаешь, пилорезак без команды не трогаешь. Засомневался — встал и спросил. Лучше потерять секунду, чем потом выковыривать бойца из-под твоей опоры. Я это уже делал. Второй раз не хочу.

— Понятно. Не наступать на тех, кто меньше. Это правило я усвою быстро.

— Молот-6, канал связи ровный?

— Ровный. И меня зовут Рома. По документам Молот-6, но в бою на имя я отвечаю быстрее.

— В бою тебя будут звать так, — сказал Орс.

— А после боя? Меня вернут в шкаф? Мне нужно знать это до тоннеля, а не после.

Орс не отвёл взгляда от камеры.

— Могут вернуть. Военная реквизиция вытащила тебя на время, врать не буду. Но боевой журнал и акт допуска уйдут в отчёт с твоим именем, а не в складскую ведомость. Свободы это тебе не даст. Но и по-тихому списать уже не выйдет: в бумагах ты боец, а не груз.

Он дал мне секунду переварить и добавил:

— Через десять минут ты пройдёшь тестовую трассу. Завалишь — пойдёшь обратно в захваты, и никакие минуты в симуляторе тебя не спасут.

Пока техники ставили трассу — мягкие щиты, сигнальные стойки, имитаторы живых солдат, — в ангар вошла инженер в рабочей броне: рыжие волосы под шлемом, ремни инженерного блока, походка человека, который привык к чужому телу, но всё ещё проверяет каждый шаг. Она глянула на мои опоры и подключилась к инженерному каналу без вступлений.

— Привет, Молоток. Ты уж постарайся трассу то пройти. Такой бугай нам в туннелях пригодился бы, конечно если не будешь пытаться нас самих передавить.

Голос был женский, но манера держаться - нет. Кто бы ещё назвал меня Молотком. Я эту манеру слышал тысячу раз, так говорят в гараже, из-под машины, с отвёрткой в зубах.

— Сашка? — спросил я, и динамик сделал мой голос чужим. — Это ты?

Инженер замерла и подошла к самой камере.

— Кто внутри? Номер не называй, номер я видела.

— Я Рома. Саш, ты когда поучаешь, у тебя даже в чужом горле тот же грубый тон выдававшего жизнь таксиста.

Она коротко выругалась — совсем не по-женски — и оглянулась на техника: не слышал ли лишнего.

— Рома, значит, — сказала она тише. — Какая неожиданность! Поздравляю с тем что выбрался, хоть пусть даже и в таком виде! Меня теперь зовут Рута. Лера здесь, в Бегемота её пересадили - долгая история. Марка с Аней потеряли после Нергала. А про тебя все молчали. Я уже решил, что тебя списали.

— Меня списали. Забыли выбросить.

Рута резко махнула кому-то за воротами.

— Бегемот, сюда. Быстро.

Бегемот вошёл в ангар тяжёлым быстрым шагом — старый штурмовой боец, почти легенда Костяного причала. Теперь внутри была Лера. Она посмотрела на платформу и сказала без предисловий:

— Если ты Рома — скажи то, чего не мог знать техник.

— Мне до сих пор стыдно за то, что я сделал с Марком, — сказал я.

Лера повернулась к Руте. Та кивнула, сжав ремень инженерного блока.

— Он, — сказала Лера. — Ром, до твоего выхода на тренировочную трассу три минуты, поэтому коротко: радоваться будем потом. Сейчас ты проходишь проверку, идёшь с нами в тоннель и возвращаешься. После боя постараемся тебя у нас оставить - зубами вырвем.

— А если после боя меня вернут в шкаф?

— Тогда будем этот шкаф ломать, — сказала Лера. — Но сначала выживи. Мёртвого вытаскивать некого. Работай.

У ограждения остановился жилистый сержант с серым лицом старого десантника — Варр, командир второго отделения. Он смотрел на платформу без злости и без интереса, как на ящик, который поставили не туда.

— Капитан, я со шкафом в один тоннель не пойду, — сказал он Орсу. — Мозг без тела — это бомба замедленного действия. Он боли не чувствует. Чем его останавливать, если заклинит?

— Тем же, чем тебя, сержант. Приказом, — сказал Орс. — Проверим как он и вперёд. Помнишь что было с предыдущей группой? Нам в туннель без усиления нельзя.

Трасса была короткой и не сложной — её ставили не сломать меня, а посмотреть, слушаю ли я людей рядом.

Рута шла у правой опоры и подсказывала коротко: вес, корпус, стоп. Я слушал и делал, и с каждым шагом это было всё меньше похоже на дрессировку и всё больше — на работу вдвоём. Бегемот шла слева и нарочно занимала место, куда мне хотелось поставить корпус: проверяла, полезу ли напролом. Я не лез и шёл осторожно, благо работать конечностями уже наловчился. Ким — широкоплечий десантник с обожжённой щекой — перебежал от стойки к стойке и ставил зелёный маяк ровно туда, куда я собирался шагнуть или ударить. Дважды я замер опорой над самым полом. Раз развернулся боком и пропустил Руту вперёд, теряя темп. На последнем повороте из-за щита выскочила учебная цель, я навёл плазму — и увидел за ней маяк Кима. Вместо выстрела ударил манипулятором в стену, будто закрывая проход.

Эти люди весь прогон нарочно лезли туда, где я мог их смять, и смотрели не на машину, а на меня — удержусь ли. Я удержался.

Ким выпрямился из-за стойки и стукнул кулаком по моей броне — так стучат по плечу.

— Соображает, — сказал он в канал. — Осторожный, хоть и в железе. С таким пойду.

Орс молчал, пока техник не вывел протокол.

— Три задержки, одна потеря темпа, своих не задел, запретную линию не пересёк, — прочитал техник. — Ограниченно годен к штурму в составе взвода под ручным контролем инженера.

— Молот идёт с ядром, — сказал Орс. — Рута ведёт правую опору, Бегемот - левую. Варр?

Сержант сплюнул.

— Годен-то он годен. Посмотрим в тоннеле. Если из-за него ляжет хоть один мой боец, я его разберу сам, без эвакуации.

— Договорились, — сказал я. — Если из-за меня ляжет твой боец, я помогу разбирать.

Варр посмотрел на камеру долгим взглядом и впервые ничего не ответил.

* * *

Общий инструктаж провели в большом зале. Кхар-Нём висел на главном экране серо-зелёным шаром в красных слоях заражения. Планету рой держал давно и целиком. На орбите, на обломках спутников, сидели живые гнёзда, в атмосфере мелькали летуны, а поверхность была не землёй, а панцирем: рёбра улья, чёрные провалы тоннелей, жилы толщиной с человека. Люди летели туда не отбивать свой город. Отбивать было нечего. Летели выжечь то, что там выросло - настоящий город архов.

Вест не тратил время на историю планеты. Он включил запись прошлой высадки: группа дошла до большой пульсирующей жилы, поставила заряд, отошла и подорвала. Тоннель осы-

пался, бойцы доложили, что цель поражена, — а потом из боковых ходов полезли горбачи, и метки своих погасли одна за другой. Я это уже видел утром, из-под их шкуры. Второй раз смотреть было не легче.

— Они взорвали кормовую жилу, приняли её за управляющий центр, — сказал офицер. — Матка потеряла кусок мяса и дальше командовала роем. Орбитальный удар задачу тоже не решает: верхний ярус сгорит, а матка уйдёт нижним ходом и через сутки поднимет сектор заново. Поэтому сегодня мы идём в землю и бьём не по мясу, а по ней самой.

Дальше план был грубый и понятный. Флот пробивает орбиту и отгоняет от планеты живые гнёзда. Первая волна садится и держит площадки. Вторая жжёт выходы из тоннелей, чтобы рой не бил десант в спину. Третья идёт под землю за маткой. Штурмовых групп много, каждая заходит в свою ветку. Пока матка жива, рой работает как одно тело; сдохнет — рассыплется, и наверху тоже.

Орс собрал взвод отдельно и раскрыл карту тоннелей.

— Мы с третьей волной, — сказал он. — Задача: дойти до маточного яруса, дать работать Ниру и Руте, поставить заряды и вывести ядро назад. Нир — биолог. Он ставит светящиеся иглы в управляющие стволы, чтобы мы не легли напрасно, как те, с записи. Взрываем плоть архов только рядом с иглой. Нир идёт в середине, и если до матки дойдут все, кроме него, — считайте, никто не дошёл. Второе отделение держит первую развилку, третье — отход и раненых.

— Матка одна? — спросила Лера.

— Одна. Второго захода у нас не будет.

— Сколько нас всего идёт вниз? — спросил кто-то из молодых.

— Ваш взвод не единственный, просто другие заходят с других туннелей. По тридцать с лишним человек в каждом, плюс платформа и один учёный с чемоданом. Наверху будет весь полк. Но под землёй каждый взвод сам за себя, помощи ждать неоткуда. Хоть один из вас убьёт матку - архи на планете станут не опасны.

Нир держал чемодан с иглами так, что побелели пальцы.

— На записи был мой напарник, — сказал он. Голос дрогнул, но объяснять дальше он не стал.

Больше вопросов не было. Про кислоту, горбачей и живые плазмореzy мне рассказывать не требовалось: меня этим убивали всё утро.

* * *

В трюме транспортника платформу закрепили у стенки, но камеры оставили открытыми. Взвод расселся вдоль бортов. Ким проверял магазины без суеты. Шаар, боевой медик, обходил молодых и смотрел аптечки и аварийные инъекторы. Нир в третий раз пересчитывал иглы. Техник платформы устроился у моей рамы с планшетом телеметрии: в тоннель он не шёл, его дело было следить с борта за отказами и докладывать, какие системы во мне ещё живы.

Двое бойцов прикрытия ядра сели прямо у моей опоры — Дарс и Толл. Дарс, не спрашивая, прилепил мне на бронеплиту яркий маркер со своим номером.

— Это чтоб я тебя и слепой нашёл, — сказал он. — Знаю я вас, железных: чуть дым — и не разберёшь, где своя платформа, где чужая. А теперь ты меченый, мой.

— А ты под ногами не ходи, просто помечай цели пожирней, и я их плазмой накрою, — ответил я. — Своих я не топчу, но испытывать мою осторожность не надо в бою.

Сашка сел напротив передней камеры и развернул схему опор.

— В тоннеле я иду у твоей правой передней лапы. Под ногу не лезу, но если говорю "стой", то не топчи то, на что сейчас наступаешь. Но надеюсь такого не будет. Также помогу технику кислоту счищать, я выпросил себе запас нейтрализатора, так что не бойсь, не расплавит.

— Командуй, — сказал я. — Тут ты старший, я хоть и бугай теперь, но не в самом удобном положении, чтобы командовать.

— Вот и умница, — сказал Сашка тем же тоном, каким когда-то говорил своим коллегам «не лезь под машину, пока я домкрат не поставил». Я бы усмехнулся, будь чем.

Ким подошёл к передней раме, зацепил карабин за буксировочное кольцо и подёргал — держит ли.

— Слушайте сюда, — сказал он в общий канал, чтобы слышали молодые. — Если Молот ляжет, я беру перед, Рута зад, Бегемот прикрывает. Цепляем тросы за буксировочные кольца и тащим его целиком — хоть восемь тонн, хоть все десять. У него под брюхом есть буксировочные колёса, так что утащим если надо будет. К тому же мы в бронескафах с усилителями, утянем как-нибудь. В крайнем случае мозг отстегнём в футляре, я знаю как.

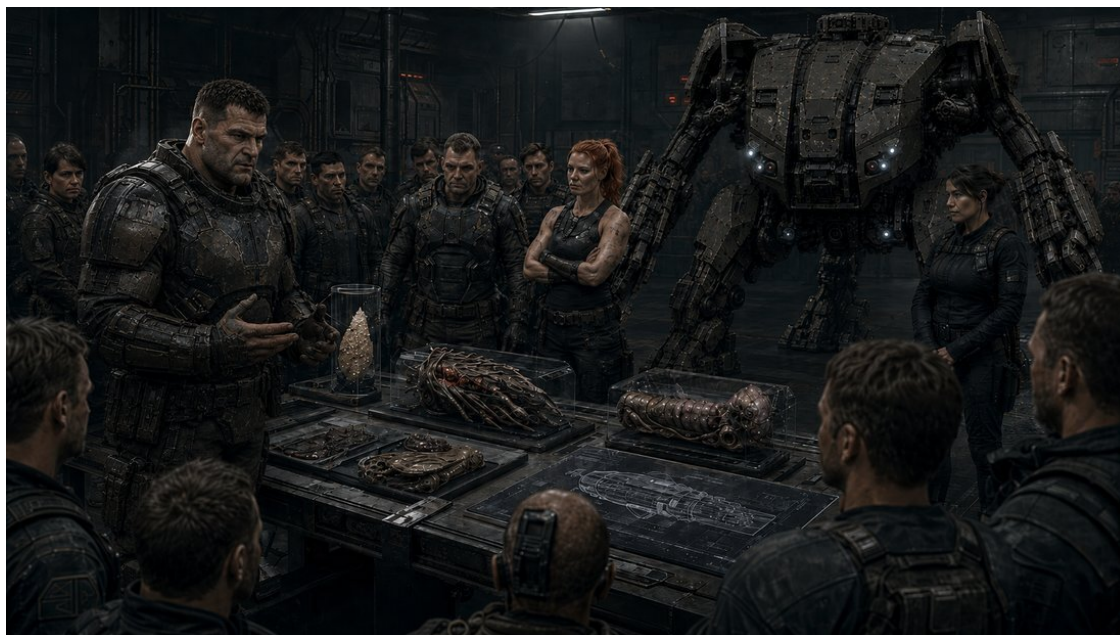
Никто не спорил. Я смотрел на этих людей, которые полдня назад видели меня впервые, и понимал: за меня уже расписались. Не за платформу — за меня. В шкафу я бы за такое отдал что угодно, а теперь оно просто было, и я даже не знал, куда его девать.

Лера сидела у трапа — огромная, неподвижная — и молчала дольше всех. Потом сказала тихо, в наш ближний канал, где были только мы трое:

— Знаешь, Ром, что самое смешное? На Земле мы бы втроём и пива не выпили. Ты, я, Сашка. Совсем разные были люди.

— А теперь?

— А теперь ты железный ящик, я двухметровый шкаф, а Сашка — рыжая девка с сиськами. И роднее вас у меня никого нет. Смешно, да?

Смешно не было. На Земле я бы на такую Сашку и не взглянул: девка ростом мне по плечо, чего с ней считаться. А сейчас эта девка вела меня за руку, чтобы я не передал своих, и от её голоса зависело, выйду я из тоннеля или нет.

— Я в шкафу одну вещь понял, — сказал я. — Всю жизнь шпынял тех, кто слабее. Знал, что кто тяжелее — тот и прав; бабу можно припугнуть, потому что она легче. Теперь я тяжелее вас двоих вместе — и вес этот бесполезен, если рядом нет тех, кого я раньше в грош не ставил.

— А я — обратное, — хмыкнул Сашка. — Побегал в этом теле по станциям и впервые узнал, каково, когда тебя меряют по сиськам, а не по голове. Противно. А ведь раньше сам так мерил и не замечал.

— С вами двумя ясно, — сказала Лера. — А я всё ещё учусь не бить первой. Двухметровым кулаком очень уж легко оказаться правым. Пару раз замахивалась. Хорошо, что успевала опустить.

Я не нашёл, что ответить. Да они и не ждали ответа.

В трюме стало тише. Тир, молодой боец с зелёной полосой в волосах, давно косился на мою камеру и наконец решился.

— Тебя правда без тела туда посадили?

— Сначала был в шкафу. Темно, тихо, ничего не происходит. После шкафа платформа — курорт: вижу, слышу, двигаюсь.

— А в десант ты как?..

— А ты как? — спросил я. — По виду не похож на человека, который всю жизнь мечтал встречаться с маткой архов.

Тир пожал плечами.

— Отец отвечал за груз на станции. Груз сгорел, страховка расходов не покрыла, и долг повесили на семью. Флот долг выкупил в обмен на то, что я подписал контракт. Теперь я тут, зато семья свободна, а не в рабских ошейниках.

В отличие от дешёвых фильмов, никто не загонял нас в челнок с криками "быстрее". Если кто-то чего-то забудет тут, на базе, то может уже никогда и не вспомнит. Поэтому все тщательно проверяли снаряжение: магазины, гранаты, запасы батарей, прочее оборудование. Кто-то срывался с места и бежал к технику базы и за чем-то срочно его посылал. Но вот прозвенела сирена челнок закрыл шлюз и вылетел к транспортному кораблю, который доставит нас в другую систему на проведение нашего этапа операции.

* * *

Челнок отстыковался от транспортника, и в отсеке стало тихо. Внешняя камера дала орбиту Кхар-Нёма. Корабли Содружества шли клином сквозь поле обломков. На обломках сидели живые гнёзда, из гнёзд к десантным бортам тянулись белые росчерки. Я насчитал в нашей волне одиннадцать бортов. Потом их стало десять: соседний бот поймал сгусток плазмы в двигатель, вспыхнул и ушёл вниз, не закрыв десантный трап.

Тир смотрел ему вслед слишком долго.

— Не повезло им, даже высадиться не успели, — сказал Ким и толкнул его плечом. — Смотри на наш выход. Чужой бот ты уже не спасёшь. Свой выход проспишь.

Челнок сорвался вниз, в атмосферу, и с этого момента крепления рвали мою раму на каждом манёвре. В боковую камеру ударила белая вспышка, и пилот выругался уже без строевой выдержки. По броне проскрежетало: тварь размером с человека сорвалась с корпуса и ушла в огонь под нами. Летуны бросались на десантные борта прямо в плотных слоях.

— «Север-четыре» под обстрелом, — дал пилот общий канал. — Садимся в дым. На земле рой, в воздухе рой, под землёй рой. Выход быстрый. Девяносто секунд до касания.

Отсек перекосило на манёвре, Тир сорвался с места. Я опустил правый манипулятор и поставил его упором. Тир врезался в броню плечом и остался на ногах.

— Не благодари. В следующий раз держись за ремень, а не за воздух.

— Шестьдесят секунд, — отсчитал пилот.

Слева ударило ещё раз. В стыке у трапа зашипело, на пол плеснуло светлым, покрытие пошло пузырями. Шаар рванул Тира назад за разгрузку:

— Кислота у трапа! Не наступать!

— Тридцать секунд.

— Некогда ждать, — сказал Орс. — Молот, корпусом к трапу. Выходишь первым, стоишь стеной. Бегемот за ним. Рута, правая опора.

Лера повернула голову к моей камере и сказала в ближний канал, только для нас:

— Ром. Первый шаг на планету — твой. Не завали.

— Пять секунд, — сказал пилот.

Замки десантного трапа щёлкнули, и из-под нижней кромки ударил свет горячей планеты.

— Выхожу, — сказал я.

Глава 5. Держать проход

Трап опустился, и в отсек ворвался свет пожаров, дым и вой общего канала.

Я шагнул первым. Поверхность просела под передней опорой. Там был даже не камень, а какая-то живая корка. Рута сказала «корпус вправо», я повернул и встал. Моя работа была простой: стоять стеной между взводом и планетой, пока идёт разгрузка.

Площадки как таковой не было. «Север-четыре» оказался куском выжженной поверхности между двумя разбитыми десантными ботами. Слева горел двигатель, и люди тащили раненых прямо по тлеющему грунту. Справа тяжёлая рота держала край посадочного круга щитовым блоком и двумя платформами вроде моей — в тактической схеме висели их метки, «Молот-2» и «Молот-9». Над головами летуны бросались на боты и гибли под зенитками, но на их место приходили новые.

Взвод вышел за мной за девять секунд. Я знал точно: система писала лог.

Первая волна архов добежала по ребристой насыпи раньше, чем третье отделение успело занять сектор. Мелкие архи-резаки шли низко и быстро перебирали лапками, и мои пушки уже вели их по траектории, но открывать огонь было нельзя: на линии стояли Ким и Тир, а у горящего бота лежали раненые. Оставалось ждать, пока сектор очистится, и надеяться, что твари не добегут раньше.

Резак прыгнул на щит Бегемота. Второй полез под щит, к её ноге. Третий пошёл на Нира с чемоданом.

— Сейчас, — сказала Рута.

Лера ударила щитом вниз. Ким снял второго в упор. Метки своих ушли с моей линии — и я дал два коротких залпа плазмопушками по насыпи. Плазма накрыла переднюю линию волны архов и разнесла её на куски. Уцелевшие резак свернули влево, под щит Бегемота, и там их добили.

Весь бой у трапа занял несколько секунд, и половину этого времени я не стрелял, потому что в прицеле были свои.

— Молот, норма, — сказал Орс. — Вперёд к маточному входу. Фронт не держим. Фронт без нас есть кому держать.

Мы пошли по улью.

Поверхность жила. Под опорами пружинили рёбра, между ними тянулась серая плёнка с дыхательными трубками. Рабочие архи таскали мясо к чёрным горлам в земле и на нас не смотрели: рой не тратил рабочих на то, для чего у него были солдаты. Слева в дыму работала чужая штурмовая группа — короткие вспышки, злой мат в общем канале, доклад «вторая ветка, вход взят».

Наш вход выглядел как рваная дыра в земле с обкусанными краями, из которой тянуло тёплым сквозняком, и возле этой дыры нас уже ждали.

Горбач вылез из-под насыпи рядом: широкая туша и сплошной костяной лоб. Он увидел щит Бегемота в проходе и пошёл всей массой на него.

— Бегемот, назад! — крикнул Ким.

Лера успела полшага. Удар пришёлся в щит, её снесло, за её спиной Тир упал на колени. Между мной и горбачём была Лера.

— Не стреляй... — начал Орс.

Стрелять я и не собирался: с моего угла плазма прошла бы в спину Бегемота. Вместо этого я разогнался по дуге и врезался в горбача сбоку, в подобие хитиновых рёбер вокруг корпуса твари. По массе мы были почти равны, и я завалился на него сверху. Левый манипулятор поймал переднюю лапу и с силой сдавил её - тварь заверещала, клинок вошёл под сустав. Задними лапами горбач процарапал мне борт от плеча до опоры — система замигала жёлтым по всей левой стороне. Горбач ползком толкал меня к обрыву рядом с нами, мой клинок рвал его плоть. Я упёрся, довернул корпус и подставил его бок под пушки на груди.

— Тир, вправо! Сейчас пальну и может задеть!

Тир перекатился подальше от места сражения. Я дал залп одной плазмопушкой почти в упор в кислотные мешки на горбе. Мешки лопнули, кислота плеснула твари же под панцирь, горбач просел, и Бегемот развалила ему шею резакон сверху.

— Все целы? — спросила она. - Рома, кислотой не задело?

— Цел, жить буду, кислоты не хлебнул, - ответил я.

— Ладно, не задерживаемся, — сказал Ким. — Двигаемся в пещеру-клоаку.

Вся группа потянулась в пещеру, первое отделение, шесть человек, осталось возле входа и разместило стационарные узлы обороны.

У первой развилки Орс оставил второе отделение.

— Варр, щит поперёк хода, сапёр готовит заряд, доклад каждые тридцать секунд. Остальные дальше.

Варр развернул своих без единого лишнего слова: щитовой блок встал поперёк, двое легли за него, сапёр воткнул заряд в стену. На меня сержант даже не посмотрел. Только сказал в канал, когда мы уже уходили:

— Молот. Горбача ты взял чисто. Работай в том же духе.

— Сочтёмся, сержант.

— Не каркай.

Через десять шагов мы слышали их уже только в канале: короткие очереди, «кислота справа», «держим». Тир оглянулся.

— Они там останутся?

— Если уйдут за нами, рой придёт нам в спину, — сказал Ким. — Поэтому останутся. Не бойсь, Варр с ребятами архов не первый год молотят. До нашего возвращения точно продолжатся.

Больше никто ничего не сказал. Все и так понимали, что означает «останутся», если ядро не дойдёт.

Рута-Сашка шла с техником и тащила наряду с обычным вооружением тепловой сканер, постоянно при этом советуясь с техником на общем канале. Насколько я понял, если идти только по самому горячему следу, то можно выйти на улей архов, в котором скрываются их личинки, и который охраняется десятками горбачей, ассасинов и другими неприятными тварями. Матку архов так не найти. Она, отложив яйца, уходит в другие части этого лабиринта. И Сашка с присущей ему вьедливостью пытался это выяснить у Нира.

- Вот - отсюда буквально веет жаром, - сказал Сашка, - Значит что жила питает улей, верно?

- Да, особи митаются маточным молочком на начальном этапе и матка старается не прерывать им питание. Но в какую сторону течёт это вещество - в левый или правый коридор?

- сказал Нир. Мы оказались на развилке и разделяться сейчас уже нехотелось - прошли мы довольно глубоко.

- Саш. Давай я просто ударю клинками по обеим сторонам от жилы, сначала в одном месте, потом в другом. Где фонтан будет больше - оттуда и течёт.

- Делай, Рома.

Я подошёл и ударил клинком манипулятора сначала в одном месте, потом в другом.

- Готово, проверяй.

В этот момент откуда-то из-под высокого свода закричало несколько тварей. Все разом вскинули прожекторы и высветили когтистых и зубастых арзов с длинными хвостами, на концах которых красовался клинок из карбида вольфрама. Похоже их тут оставили не для регулярного боя, а как раз для охраны этой жилы с маточным молочком. Твари завопили и бросились на нас. Стрелять было нельзя, я мог обрушить потолок. Поэтому я протянул оба манипулятора вперед как крышу для остальной группы.

- Живо все под меня, у меня башка железная, её камне не возьмешь, - завопил я в общий канал.

Наша группа постаралась разместиться поближе ко мне и принялась отстреливаться от скачущих по камням ловких тварей. Я поймал на клинок манипулятора одну из тварей и ударом отбросил на камни другую. Она поднялась и добилась её уже Рута из штурмового комплекса. Я не двигал четырьмя конечностями, на которых стоял, так как мог случайно кого-то раздавить, но камеры были у Молота со всех сторон и поэтому я успешно не подпускал тварей ближе, не давая наброситься всей толпой. Наконец Орс решил:

- Так - Рута, Бегемот, Тир, Дик, Чен, Ким, - по плазменной гранате каждый в свой сектор обстрела на счёт три...три!

по углам пещеры улетели гранаты и тут же все присели. Мне, роботу, присесть не предложили, вопиющая дискриминация! Прогремел взрыв, часть пещеры, дальняя от нас, обрушилась. Остатки тварей добивали уже выйдя из-под меня.

- Не стоим, Рута, куда? - спросил Орс.

- Налево, оттуда шло молоко.

- Слышали, Молот - вперёд, остальные за ним, живее, пока нас не нагнали.

Мы продолжили свой путь к хозяйке этого дома.

Дальше начинался спуск.

Тоннель стал ниже и теснее. Хитин стенок скрёб правую бронеплиту, мокрая плёнка тянулась за левой опорой, в стенах пульсировали красные жилы. После каждого дальнего взрыва свод оседал на сантиметры, и Рута говорила, какую опору поднять, чтобы меня не зажало в живой щели.

У широкой развилки осталось третье отделение — держать отход и принимать раненых. Один из них хлопнул Тира по плечу, второй показал Киму большой палец, потом они развернули щит и пропали за живой складкой. Через минуту в канале уже шёл их бой: «кислота слева», «щит просел», «держим».

В ядре нас осталось десять, считая меня. Бегемот впереди, Рута у моей правой опоры, Нир с чемоданом в середине, Ким в моей левой слепой зоне, Шаар за Ниром, Тир при Киме, Дарс и Толл замыкающими, Орс со связью.

Рой понял, куда мы идём, раньше, чем мне хотелось бы.

На третьем ярусе свод за нами осел не от взрыва — его положили специально. Стены дрогнули, задний ход схлопнулся, отрезав нас от третьего отделения, и из двух боковых щелей одновременно пошли резак. Их было много, и это была не случайная волна, а расчёт: спереди сужение, сзади завал, посередине мы.

— Круг! — крикнул Орс. — Нир в центр! Рома, держи проход!

Держать было нечем, кроме себя. Я втиснул корпус поперёк тоннеля, в самом узком месте, и перекрыл ход собственной тушей — восемь тонн брони от стены до стены. Основная масса упёрлась в меня и дальше не пошла: за моей кормой Нир и Рута работали у стволов, и всё, что им было нужно, — это секунды. Спереди эти секунды оплачивал я.

Резак лезли на корпус скопом. Две плазменные пушки били поочерёдно, короткими, шкала перегрева ползла вверх, но красной зоны пока не трогала. Клинки рубили всё, что подбиралось к сочленениям. Бегемот встала плечом ко мне и держала свою половину. Мелочь карабкалась по броне, по своду, сыпалась сверху. Но тоннель был живой и дырявый, и то, что поумнее, искало щели в обход — мимо моей туши, к людям за спиной.

Ломатель, мелкий аналог Горбача, выбил Кима из строя одним ударом — сбил с ног и пошёл пастью к его груди. Линия огня была красной: под тварью лежал свой. Я поймал ломателя манипулятором за спинную пластину, оторвал от Кима и вмял в стену. Ломатель больше не двигался, хотя манипулятор чуть зацепило кислотой — хорошо что не в сустав.

— Ким, живой?

— Живой. Работаем.

Плазморез я увидел поздно. Он бил из щели, с упора, как из бойницы. Первая струя легла в свод. Вторая — в щит Бегемота, оплавляя его. Третья пошла ниже — туда, где Нир вжимался в мою опору с чемоданом.

Дарс успел раньше, чем струя добралась до него. Он сбил Нира под мою раму, и струя взяла его самого поперёк спины.

Пехотная броня такую струю не держит — я знал это с утра, из записей группы «Клин». Она пару секунд посопротивлялась, но потом струя перегретого воздуха вырвалась у Дарса из груди.

Я тут же вбил оба манипулятора в щель, разорвал её края и достал тварь. Она умерла у меня в захватах, скребя керамическим соплом по броне. Потом стало тихо - всю засадную группу архов мы выбили, они не предполагали, что платформа Молот влезет в туннель.

Шаар был возле Дарса семь секунд. Поднялся, посмотрел на Орс и коротко мотнул головой - его уже не спасти.

— Иглы! — Нир стоял на коленях у раскатившегося чемодана. Руки у него ходили ходуном. — Три. Три целы. Остальные...

Остальные лежали в жиге раздавленным стеклом.

— Сколько нужно на матку? — спросил Орс.

— Три. Если я не ошибусь ни разу. Игла содержит краситель, он окрашивает весь нервный узел для уничтожения матки. Без игл тоже можно, но могу ошибиться.

— Значит, не ошибёшься. Да и если даже все потеряешь, просто тыкай пальцем, что взрывать. Толл, жетон Дарса заberi. Тело заберём на обратном пути, когда дело сделаем, - ободряюще произнёс Орс.

— Есть, — сказал Толл. Больше он до конца боя не сказал ничего.

Обитель Матки открылась через двести метров.

Тоннель просто кончился, и мы стояли на краю живого зала. С потолка свисали гребни связи. По полу шли кормовые жилы толщиной с человека. В центре лежала матка — огромная, но похожая на гуманоидную женщину, заключённую в плен чужой плоти, которая странным образом её ничуть не тяготила. Она по факту и управляла всей планетой и её желание было для всех архов здесь законом.

Охрану мы увидели сразу: три горбача, крупнее того, что встретил нас наверху, лежали возле стволов. Видимо жаркий бой за планету и с другими атакующими взводами раздёргал многочисленную охрану.

— Нир, — тихо сказал Орс. — Который?

— Не центральный, это приманка, само тело тоже приманка. Предыдущая группа его и взорвала, и вот - оно снова выросло. Мне нужны три ствола: корм, приказ, выводок. По игле в каждый. Когда маркерная краска расплзётся, бьёте рядом с ней, заряд ставите рядом с иглой, саму иглу не трогать.

— Молот сразу наступает. Бегемот левый сектор держит, Ким правый. Пошли.

Я вошёл в зал первым, и горбачи встали.

Первый пошёл на меня. Плазмой в лоб бить было без толку: костяную плиту она только румянила, это я усвоил ещё в симуляторе. Мягкое у горбача пряталось по бокам — мешки на горбе, суставы, глаза, — и всё это тварь держала от меня отвёрнутым. Значит, сперва развернуть, потом жечь. Я принял его лоб в лоб, поймал манипуляторами передние лапы и начал доворачивать вбок, как заклинившую створку. Опоры пахали живой пол, приводы выли.

Второй обошёл меня и двинулся на людей — Бегемот встретила его щитом и резакom, и я слышал в канале её тяжёлое дыхание. У него не было моей массы, но Лера, видимо, как-то научилась справляться с такими и со своей. Третий не пошёл никуда. Третий был умный: он лёг над последним стволом, тем, что уходил под бок матки, и ждал нас там, куда мы обязаны были прийти.

Рабочие архи хлынули из мембраны слева. Лёгкая пехота, они могли лишь плевать слабой кислотой и пытаться жевать проводку. Один плюнул мне в нижнюю камеру, и низ мира стал белым.

— Стоп, Рома! — крикнула Рута. — Под тобой Ким!

Я замер, борясь с горбачом в захватах. Стрелять по низу вслепую я не мог — там были свои. Шагнуть тоже: на белом пятне мигала зелёная метка, полшага — и я вдавил бы Кима в пол. Какого лешего он там делал? Потом спрошу!

— Ким, из-под платформы!

— Вышел!

Рута подбежала к слепой стороне и провела очистителем по камере — под плевками, под тварями, сыплющимися со свода. Обзор вернулся. Горбач как раз повернулся боком. Я выдал залп плазмой дал по мешкам, плечевой блок грелся и зарядов уже было не так много. Мешки лопнули, кислота потекла твари под панцирь, и она осела.

Нир уже работал. Первая игла ушла в ствол у пола и по нему начали расплзаться светящиеся полосы. Рута ставила заряд глубже, чем позволяла кожа ствола вдоль всей светящейся поверхности, вбивая острые щупы кулаком в нервную ткань для надёжности.

— Первый стоит! — доложила Рута.

Второй горбач продавил Бегемота. Щит просел, нога Леры поехала по мокрому хитину, а за её спиной стоял Нир со второй иглой.

— Лера, ниже!

Она упала на колено — не споря, мгновенно. Две мои вспышки прошли над её плечом и легли в глазные гребни, где кость тоньше. Горбач мотнул слепой башкой, но не отступил,

такие вообще не отступают, чтобы перед маткой не позориться. А плазма после этих вспышек кашлянула и умолкла. Видимо это был последний выстрел.

— У плазмы кончилось рабочее тело, — доложил техник. — Я заменил, но пушки на остывании, жди пять минут.

Пяти минут у меня не было. Я шагнул, бросил корпус вперёд и принял горбача на себя. Меня протащило назад через кормовую жилу, боковая броня проскрежетала по стене, но за моей кормой никого не расплющило. Бегемот поднялась и вонзила свой резак ему сверху.

— Жива, — сказала Лера. — Дальше работам.

— Второй заряд разместил, даёте этого козла выбьем и сваливаем отсюда! — доложила Рута.

Оставался третий — умный, над последним стволом. И на него у меня не осталось ни одного выстрела.

— Сколько у меня целых манипуляторов? — спросил я.

— Полтора, — ответил техник. — Один наполовину съеден кислотой, зато все остальные успел протереть.

— Хватит.

Мы пошли на него вдвоём с Бегемотом, с двух сторон, и он выбрал меня — я был опаснее. Удар лба пришёлся в правый борт. Платформу поставило на две опоры, обзор накренился, система залила экраны красным. Я упал обратно на четыре точки, поймал его переднюю лапу, потом вторую. Он давил на захваты всей массой, но я держал.

— Бегемот!

Лера вошла ему под брюхо снизу, одним длинным ударом виброточки.

Третья игла уже уходила под бок матки. Нир воткнул иглу и светящаяся краска ушла в глубокую нишу. Туда пролезла Рута — лёжа, по локти в тёплой слизи, с зарядом с собой. Ким держал над ней фонарь и стрелял одной рукой по мелочи. Матка чувствовала, что её жизнь отсчитывает последние мгновения. Мешки выводка ходили волнами, гребни под потолком гудели, призывая тварей на помощь.

— Третий стоит! — крикнула Рута.

— Подрыв. Отход, — сказал Орс.

Я отбросил от себя последнего Горбача и рванул подальше, прикрывая под собой остальной отряд.

Взрывы ушли внутрь матки, соседние узлы также взрывались один за другим. Кормовая жила раскрылась паром. Управляющий ствол дёрнулся и вырвал из стены мокрые куски. Выводковый канал вспух и лопнул.

А потом матка ударила — не звуком, а сразу не пойми чем по датчикам. Камеры пошли полосами, в прицеле смешались метки целей. Десантники схватились за головы, оставшиеся твари архов заматались из стороны в сторону. Они будто не знали что делать и как помочь своей хозяйке. Безмолвный шум дошёл до пика и внезапно стих. Матка была мертва. Товарищи-космодесантники уже приходили в себя. Всё было кончено.

Матка ещё двигалась, но команд больше не отдавала. В общем канале орали, что орбитальные гнёзда теряют строй.

— Матка выбита, — сказал Орс. — отряд "Кость", выход. Второе отделение, ждите нас и отходите с нами. Третье отделение - скоро будем, готовьте отход.

Но отход был не легче захода. Я знал это по записи "Клины" и всё равно оказался не готов.

Рой больше не действовал собранно, но тварей стало во много раз больше. Они лезли из каждой щели, без порядка и без расчёта. Похоже в отсутствие команд твари роя лишь защищали своё гнездо, стараясь выдворить чужаков. Поэтому наверху стало легче оттого, что все твари ринулись вниз. Третье отделение пробило нам путь наверх, и мы пошли с боем на каждом метре: Бегемот впереди, я замыкающим, кормой к залу, лицом к отряду. Если кто-то сзади думал, что у Молота не глаз на спине, то я быстро ему доказывал обратное. Орс шёл рядом с Ниром — плечо ему распорол ещё при завале — и резал маршрут на короткие команды.

На втором ярусе умерла левая задняя опора — кислота доела привод. Платформа осела на угол. Я перенёс вес и пошёл на трёх.

— Молот, темп, — сказал Орс.

— Не отстану, капитан.

На первом ярусе плазморез из бокового хода достал меня в правый борт — в тот шов, что процарапал первый горбач. Струя прошла броню и легла вдоль основного корпуса платформы. Что-то внутри повредилось, но, к счастью, изображение со всех камер смазалось и вернулось. Половина датчиков умерла, во второй половине встал белый шум, и сквозь шум я услышал собственный голос — плоский, чужой, но свой:

— Прямое попадание. Что-то внутри шипит.

— Двигаться можешь? Меня слышишь? — спросил техник.

— Пока да.

— Рома, не ври, — прикрикнула Рута.

— Половина каналов в белом шуме, иду на трёх ногах, - ответил я.

Правая передняя отказала через двадцать метров. Платформа стала куском брони с полутора манипуляторами и одной пушкой. По регламенту меня надо было бросать: машина поддержки потеряла ход, пехота идёт дальше.

— Бросайте платформу, — сказал я. — Развернусь поперёк и подержу. У вас будет минут пять. Плзма откатилась, так что ещё постреляю. Сашка, Леря, я ни о чём не жалею, классно потусили, пора и честь знать. Всё равно от меня лишь кусок жира остался, так пусть хоть он благому делу послужит. Я не ангелом на земле был, так хоть своей жизнью пожертвую, авось и зачтётся на небесах, хотя я по сути в небеса и улетел...

— Заткнись, — Ким уже цеплял трос за переднюю раму. — Мне ещё отчёт писать, кого ты сегодня вытащил. Список длинный, портить не хочу.

Рута подключила второй трос к задней раме.

— Переднюю не опускай. Ляжешь на брюхо — не сдвинем. Рома, ты болтать кончай, герой нашёлся тут.

— Я тяжёлый.

— Мы заметили, — сказала Лера и встала последней, закрывая нас щитом. - И болтливый ещё. Не засоряй эфир. Решил помереть героем и грехи искупить, не выйдет, помереть то легко, делать ничего не надо, ты попробуй поживи!

Меня тащили и катили на брюшных колёсах полтора километра через кочки и ямы в туннеле, отбиваясь от сотен приходящих сверху тварей. Ким и Толл тянули передний тросс, Рута толкала сзади, Тир прикрывал сбоку — он стрелял по резакам одной рукой; вторая держалась за меня. Колёса под брюхом имели и собственную тягу, поэтому я стал для отряда своеобразным БТРом, узлом обороны, который прорезал строй архов как нож сквозь масло. Шаар тащил раненого из третьего отделения и орал на него по имени, не давая закрыть глаза. Он положил его сверху на мою броню и продолжил отстреливаться от тварей. Нир нёс чемодан с пробами для науки и жетон Дарса.

У первой развилки нас ждало второе отделение. Точнее, то, что от него осталось: четверо на ногах из семи, Варр с прожжённым бедром, щит в дырах.

— Долго ходите, — сказал Варр.

— Тебя ждали, — сказал я.

Он посмотрел на мой развороченный борт, на тросы, потом на своих двоих под термоплёнкой у стены.

— Горбача ты взял чисто, Молот. И проход держал чисто. Слова беру назад. Все.

— Громозди тела на платформу, моим колёсам это легко тащить. И сам вставай, если удержишься, то отстреливайся от тараканов.

Варр ничего не ответил. Второе отделение закинуло раненых на броню и мы продолжили путь наверх. Вблизи к поверхности поток тварей уже уменьшился, всех крупных мы уже либо отстреляли, либо пропустили мимо. На выходе из пещеры мы увидели поле боя и тела тысяч архов, часть из которых пытались утащить в норы архи-стервятники. Эвакуационные челноки уже садились один за другим под прикрытием атмосферных штурмовиков.

* * *

В челнок грузили уже не взвод, а как его остатки. Вдоль бортов лежали раненые: кто-то держал жгут на бедре товарища, кто-то молча прижимал к груди пробитый шлем, двое лежали под термоодеялами, и к ним уже не тянули капельниц. Из коротких отчётов в общем канале складывались отличный результат, но прискорбная картина: полк задачу выполнил, матка ликвидирована, но в строю осталось меньше половины.

Орс, которому Шаар уже перетянул плечо, сидел у терминала связи и продиктовал в журнал:

— Взвод «Кость» вышел из маточного яруса. Матка уничтожена, заряды поставлены по меткам биолога. Потери ядра: рядовой Дарс — погиб, прикрыл специалиста. Второе отделение: двое погибших, один тяжёлый. Бегемот удержала сектор. Рута поставила заряды. Платформа Молот-6 потеряла ход, удержала проход и вывела людей до трапа. Мозг жив.

На моей левой плите, под копотью и кислотными разводами, всё ещё держался маркер Дарса. Стирать его я никому бы не дал.

Я слушал и молчал. В мозгу снова и снова мелькали картины прошедшего боя, в котором всё было устроено просто и конкретно: команды «стой», "ниже", "нога", "живой", "тащим", товарищи, которых я должен был защитить, струи плазмы, разрывающие тела огромных пауков-тараканов. После шкафа даже такой шум был как бальза мна душу, потому что в нём меня называли по имени. Я знал что меня не бросят и меня и так не бросили. Связист так и вызывал базу, но база не отвечала.

— Костяной причал, ответьте. Возврат третьей волны с Кхар-Нёма, сборный борт полка. Раненые тяжёлые. Костяной причал, ответьте.

Но в эфире лишь шум. Долгий, ровный шум. Потом сквозь него пробился голос Ро:

— Не садитесь в третий док, третьего дока больше нет. Нас накрыли архи, пока вы были на планете. Второй аварийный причал ещё держится. Медблок не трогать, там кислота. Штаб разнесло. Вест не отвечает. Лера закрыла глаза.

— Ро. Потери?

Пауза вышла такой длинной, что ответ стал не нужен.

— Садитесь, Бегемот.

Костяной причал встретил нас обломками. Вместо знакомого ангара на камерах висели рваные фермы, аварийные маяки и белые пятна перегрева. Дальний док был распорот, медблок светился изнутри аварийным огнём, карантинные створки висели криво. А на рваных краях застыла слизь архов — здесь, на нашей базе, а не в тоннеле под Кхар-Нёмом.

Значит, пока полк выгрызал матку на её планете, рой ответил тем же и ударил по нашему дому. По штабу, по медикам, по ремонтникам — по всем, кого не взяли в высадку, потому что живыми здесь они были нужнее. Пока матка была жива, рой оставался одним телом, и это тело, теряя планету, успело дотянуться сюда и всё здесь разворотить. На Кхар-Нёме мы победили. Только возвращаться теперь было некуда: базы больше не было.

Второй аварийный причал держался на временных стойках и силовом поле. Меня выгрузили в ремонтную люльку среди носилок и людей, которые кричали не от страха, а от боли. У стены шла сортировка: зелёные сами шли к перевязочным столам, жёлтых клали в очередь к медкапсулам, красных несли первыми, серых закрывали термоодеялами и больше не спорили.

Техники посмотрели список повреждений платформы и замолчали.

— Короб с мозгом живой, — сказал один.

— Питание держится? — спросил Сашка.

— Пока да. Но в платформу его уже не вернуть. Родной позвоночный столб принял струю кислоты: часть каналов рваные, часть горит шумом. Нужен стенд подключения и калибровка. Стенд стоял в медсекторе. Медсектора нет.

Лера повернулась так медленно, что техник отступил.

— Он только что вытащил людей из маточного яруса, зубами грыз архов.

— Я видел журнал, Бегемот, и я не спорю с тем, что он сделал. Я говорю, что здесь больше нет ничего, чем ему можно помочь.

* * *

Награды выдавали без строя и музыки. Временный штаб стоял в уцелевшем коридоре, где на стене ещё висела табличка «склад чистого белья». Генерал Корт, поднятый с орбитального резерва, стоял у походного стола, и на рукаве у него была чужая кровь.

— Взвод Орса получает боевые баллы за уничтожение матки, вынос биообразцов и удержанный проход, — сказал он. — Вест погиб в штабе, при ударе. Список потерь базы будет к утру. Штурмовое ядро: Бегемот, Рута, Ким, Шаар, Тир, Нир. Отделения Варра и третье — в общем журнале. Рядовой Дарс — посмертно. Платформа Молот-6 отмечена медалью за отвагу.

— Рома, — сказал Ким.

Корт посмотрел на него.

— В боевом журнале записано имя Рома.

Мне вывели эту строку на внутренний экран. «Молот-6. Имя в группе: Рома. Действия: удержание прохода, спасение личного состава, сохранение огневой дисциплины после маточного импульса».

Я перечитал её несколько раз.

Потом в штаб вошёл интендант штаба. Именно он принимал решение о реквизиции всех свободных водителей шагающих танков, как он называл мозги в банке. Слишком чистый для коридора, где рядом с походным столом стояли носилки, он осмотрел повреждённую платформу Ромы и вытасненный короб с мозгом.

— Платформа Молот-6 числится реквизированным активом, — сказал он. — После окончания боевых действий его стоит вернуть владельцу.

Лера шагнула к нему.

— Он не актив. Он только что спас товарищей пооружию и сражался вместе с нами. Мы можем его выкупить, если уж на то пошло!

— Я не уполномочен продавать реквизированное имущество, об этом договаривайтесь с владельцем. Но смею вас заверить, что в силу боевой эффективности он подорожал в цене. Баллами снабжения вы расплатиться не сможете, это не военное имущество. К тому же мозг в банке нужно обслуживать, у вас нет оборудования и специалистов для этого. Так что оставь это.

— Вы после боя забираете человека обратно в ящик потому, что у вас нет денег его выкупить? Он слышит нас. Он работает в бою лучше половины живых. Он записан в журнале как Рома.

Офицер посмотрел не на него, а на Корта.

— Генерал, у меня приказ.

Лера ударила кулаком по столу. Походная ножка хрустнула. В коридоре стало тихо — даже раненые на секунду замолчали.

— Вы по приказу забираете настоящего героя войны с архами и запираете в шкафу, где ему даже поговорить не с кем! Может сами в него сядете рядом?!

Корт заговорил устало, но твёрдо: Заменить сгоревший стенд голыми руками я не могу.

— Бегемот. У нас сорок восемь раненых, семь тяжёлых, медсектор сгорел, раненых складывать некуда, а живым спать негде. Полк уцелел меньше чем наполовину. Рома герой, ничего не скажешь, но позаботиться о нём сейчас здесь мы просто не сможем, такая форма существования требует особых условий, которые здесь не обеспечить. Обещаю, что когда всё наладится, мы рассмотрим вопрос о его возврате. Хотя в платформу его уже не посадишь, медики говорят, что без ключевого участка позвоночного столба его не соединить с машинным интерфейсом.

- Значит вот так просто - взяли и выкинули?

- Мы и так отобрали его у законного владельца, если его не вернуть, нагрянет военная полиция и всё равно заберёт его обратно. Лучше не портить отношения с господином Крейном и его людьми, иначе мы его вообще никогда не увидим больше.

— Значит, мы его отдаём? - возмутилась Лера снова.

— Мы фиксируем в журнале, что Рома спас людей. Передаём в протоколе владельцу всю информацию и ставим пометку, что в будущем хотим выкупить мозг. А дальше уже решать будем - может тело вырастить или в андроида временно пересадить, но на всё это нужны деньги, профинансировать баллами снабжения такое нельзя. Так что ситуация сложная.

Сашка сжал кулаки Руты.

— Сколько он проведёт так - в темноте и без чувств, так и с ума сойти недолго.

Корт посмотрел на короб в разбитой платформе.

— Я знаю.

Перед отключением ко мне пустили Леру, Сашку и Кима. Канал был плохой, с треском, питание уходило в аварийный режим, но голоса ещё держались.

— Ром, — сказала Лера. — Мы тебя не бросаем. Даже если сейчас это звучит паршиво. Я хотел ответить грубо, как привык и как чувствовал себя сейчас, но не смог - она говорила искренне.

— Я знаю, Лер. И очень хочу, чтобы так и было.

— Если будет шанс, вытащим, — сказал Сашка. — Если шанса не будет, сделаем новый и вытащим с ним.

Ким, потрясённый исходом моей ситуации, сказал:

— Рома. Вернётся в любом виде — не делай вид, что мы незнакомы. Мы тебя без ног тащили.

— Спасибо, Ким. Если вернусь, сам подойду.

— Держись, Рома.

Питание ушло, и я снова стал мозгом в темноте.

Только теперь там были голоса: «Рома, держи проход», «корпус ровно», «жива», «нормально держал». Я повторял их по памяти, пока система переводила меня в транспортный шкаф, — на случай, если память начнёт сбывать.

* * *

Дальше Рома уже ничего не видел. Его увезли, а я осталась в коридоре у ремонтной люльки и смотрела, как шкаф с мозгом катят под охраной между носилками и ящиками, мимо

людей, которым сейчас было не до его подвигов. Сашка стоял рядом, сжимал ремень инженерного блока и молчал. Ким ушёл к раненым, но перед этим ударил кулаком по стене и оставил в металле вмятину.

— Я его верну, — сказала я. — Не знаю как и не знаю откуда, но не дам закатить его обратно в темноту и забыть в ведомости.

— Вернём, — ответил Сашка. — Если не можем отбить силой, будем искать другой выход и людей, которым придётся нас слушать.

— Я сказала «верну», потому что мне сейчас надо за что-то держаться. Иначе я тут кого-нибудь ударю.

— Я бы то же самое сделал, если бы было кого. Видимо это простейший вариант решения проблем в Содружестве, после слова "трахнуть"

Полковник Корт нашёл нас через час. Штабом теперь назывался уцелевший пункт связи между складом белья и аварийной столовой. На стене висел список погибших — Вест был в нём третьим сверху. Рядом — список тех, кого ещё можно было спасти, если быстро найти воздух, питание, медкапсулы и медика. От полка после высадки осталось меньше половины, и это называлось успешной операцией, потому что матка Кхар-Нёма была уничтожена.

— Бегемот, Рута, — сказал Корт. — Вест погиб. Орс ранен. Командиры рот либо мертвы, либо в капсулах, либо на орбите без связи. Назначаю Бегемота временно исполняющим обязанности командира базы, а Руту — заместителем. И не вздумайте спорить, посмотрите вокруг и всё сразу станет ясно - вы в дерьме, и из него надо кому-то выплывать.

Я посмотрела на него.

— Генерал, я не офицер. Я - боевик. Моё дело - архив разнывать, а не гарнизоном командовать.

— Плевать, пока я не нашёл вам нового полковника, ты временно исполняешь обязанности командира базы, но, судя по тому, что случилось с Вестом, новый руководитель будет ещё не скоро. Так что работай, поднимай боеспособность подразделения. Пополнением постепенно обеспечим, баллы снабжения на подъём уже начислил.

Сашка спросил тише обычного:

— Нам предлагают поднять базу из обломков?

Корт положил перед нами планшет.

— Этот сектор пространства кроме вас держать некому. Так что делайте что хотите, но поднимайтесь из руин.

Когда он ушёл, мы с Сашкой начали думать о том, что нам делать. Мы два пересаженных в чужие тела с Земли решаем, что делать пришельцам с их базой? Месяц назад я бы рассмеялась такому и посчитала бы неудачной мыльной оперой про космос. Сейчас эта космоопера была со мной в главной роли. И нам предстояло понять, как за три копейки поднять разрушенную базу не просто с колен, а с оторванной башкой, конечностями и вакуумом вместо вытекшей крови. Сашка пролистал список ремонта. Можно было закрыть дыры, поднять временный медблок, поставить турели, восстановить один док, начать восстанавливать второй, и снова ждать удара в то же место. Боевых баллов в том числе и за матку хватало на частичное восстановление базы.

— Костяной причал больше не база, — сказала я, - тут не выжить просто.

Ро, стоявший у двери, дёрнулся.

— Сашка, Лера, вы о чём сейчас тут толкуете?

— Я про железо, не про людей. Люди живы, но воевать на мёртвом куске металла - это всё равно, что хлебать суп дырявой ложкой, - сказала я и медленно взяла планшет.

— Надо что-то мобильное, что можно купить за боевые баллы и быстро поднять? Не флагман Содружества, не жалкая лоханка, а нормальный корабль-носитель, который заберёт людей, медкапсулы, мастерские и тех, кто ещё может держать оружие. Видимо, архи перешли к новой тактике охоты на нас и ждать нового нападения на ещё одной я не хочу.

Келт, снабженец, моргнул, но спорить не стал, он развернул планшет к себе и перестал смотреть на нас как на контуженных после боя.

— Полноценный большой носитель мы не потянем.

— Нам не нужен новый, — сказала я. — Можно и старый, база должна двигаться, иначе это опять могила с турелями.

Келт открыл списки списанного имущества. Строки побежали по экрану: баржи, старые доки, аварийные буксиры, учебные корпуса.

— Есть "Хозяин-9", — сказал он. — Средний корабль-носитель старого класса, по документам числится учебно-транспортным. Пять лет в дальнем доке. Два ангара, мастерские, пустая медсекция, один живой реактор, второй под вопросом. Истребители старые, ремонт экономически спорен.

— Сколько истребителей поднимем? — спросила я.

— Три сразу в комплекте. Ещё три после переборки, можете докупить сразу ещё на остатки баллов.

Сашка посмотрел на список.

— Значит, считаем шесть плюс сколько потянем, расходов всё равно будет много. Мед-капсулы и всё что плохо лежит здесь забираем и докупаем ещё оборудования для медблока в первую очередь, - сказал Сашка.

— Космодесантников забираем всех, кто живой и готов идти с нами, — добавила я. — Никого не оставляем сторожить обломки, разумеется. По боевым возможностям - надо планировать тщательнее. Это дело серьёзное и просто сходу не решить.

У двери, опираясь на костыль, стоял Варр. Он слушал молча, потом сказал:

— Моё отделение готово к бою, готовы защитить всё что осталось.

— Ты же со шкафами в один тоннель не ходишь, — не удержалась я.

— Не хожу, — согласился Варр. — Я теперь хожу со своими. Ваш Молот — свой. Когда вернёте его, скажите: за вторым отделением должок.

Ро спросил:

— А стены Костяного причала?

Я посмотрела на список погибших. Вест, который обещал взводу нормальный ужин. Штаб, медики, техники — все, кто не летал на Кхар-Нём и потому остался дома.

— Мёртвых здесь уже не поднимешь, — сказала я. — Стены можно потом оплакать, разобрать или взорвать. А с живыми мы решим сами, что делать.

Глава 6. Не быть беспомощными

Корабль забрали в сухой док на девять дней. Мастер сразу сказал, что быстрее не выйдет: щиты на рельсах, дронный шлюз, торпедная труба, новый реакторный блок, накопитель и переделка Уровня 10 в зал требовали нормальной работы. За одну ночь такой заказ станция не вытягивала. Я хотел сидеть у дока, читать новости и каждые полчаса спрашивать, не пора ли лететь к Сашке. Аня выдержала это ровно до того момента, как я в третий раз открыл карту маршрутов.

- Мы не будем девять дней смотреть на закрытые ворота дока, - сказала она. - Если хочешь быть полезным, сначала перестань ждать ошейник за каждым углом.

- Я не жду ошейника за каждым углом, - сказал я. - Я просто помню, как нас покупали, судили, загоняли в ангаре и едва не сняли с корабля. После такого трудно ходить по станции расслабленно.

- Поэтому я и хочу вытащить тебя туда, где работают мастера салона, - сказала Аня. - Мне тоже надо хоть на пару часов выйти из режима погони и вспомнить, что тело можно приводить в порядок для себя, без брони и тревоги.

- Ты правда хочешь посадить меня в салонное кресло и заставить обсуждать волосы?

- Да, - сказала Аня. - И хочу, чтобы ты рядом вёл себя как нормальная подруга, без вида техника, которого случайно занесло в женский отдел.

- Я не уверен, что из меня получится нормальная подруга.

- Никто не требует от тебя чуда с первого захода. Просто посмотришь, сколько труда уходит на вещи, которые мужчины обычно видят уже готовыми: волосы, кожа, одежда, походка, запах и спокойное лицо.

Салонный квартал Малой Гавани оказался похож на дорогой земной торговый центр. Только вместо обычных зеркал стояли экраны, которые сразу показывали лицо при разном свете и с разных ракурсов, примеряли прически, убирали синяки и предлагали варианты макияжа. Вдоль стен тянулись витрины с духами, кофейные стойки и медицинские автоматы под мягким белым светом. Всё было спокойно, дорого и устроено так, чтобы клиент не думал о плохом.

Я остановился перед первым экраном. На меня смотрела Лира: светлая кожа, большие глаза, аккуратные губы, волосы после дороги всё ещё лежали плохо, но даже так она выглядела слишком красивой для человека, который внутри хотел ругаться и искать запасной выход.

- Долго перед экраном не стой, - сказала Аня. - Ты сейчас опять начнёшь спорить с отражением, а я хочу, чтобы ты хотя бы один раз посмотрел на себя без привычной драки внутри.

- Я могу честно сказать, что мне всё это не нужно, и мы пойдём смотреть доки?

- Скажешь. Только вчера ты купил бронескаф, бластер, ручной щит и маскполе, а держишься так, что сам не веришь в своё снаряжение. Если хочешь, чтобы тебя воспринимали как Лиру, надо учиться выглядеть уверенно и в броне, и в платье.

В салоне нас встретила женщина с серебристыми волосами. Она не задавала лишних вопросов, просто провела сканером по моему лицу, вывела на экран кожу, волосы, следы недосыпа и сказала:

- Сначала восстановление после стресса, потом волосы, потом ногти. Украшения после диагностики.

- Я пока не готов к тому, чтобы меня украшали, - сказал я. - Я ещё не привык к тому, что мне вообще предлагают такое всерьёз.

- Пока вы просто очень усталая девушка после тяжёлой недели, - ответила она. - Украшаться будем позже, если захотите.

Аня рассмеялась так довольно, что я понял: день будет длинным.

Меня посадили в кресло. Оно само подстроило спинку, мягко закрепило плечи и подало к лицу теплую маску. Я дёрнулся.

- Спокойно, - сказала Аня из соседнего кресла. - Это не фиксаторы. Захочешь встать - встанешь.

- Ты уверена? После всего, что с нами делали в креслах и капсулах, я уже не люблю, когда меня что-то держит за плечи.

- Уверена, - сказала Аня. - Я уже проверила крепление, пока ты торговался за кабельных жуков и пытался разобраться, чем одна антенна отличается от другой. Это обычное кресло, Марк, здесь тебя никто не запирает.

Мастер салона работала спокойно. Она заранее говорила, что делает: это чистка, это восстановление, это не больно, это щекотно, руку не сжимать, глаза закрыть, волосы не дёргать. Кожу чистили мягким ультразвуком, синяки под глазами снимали световыми пластинами, волосы укладывали маленькие дроны, ногти укрепляли тонким прозрачным покрытием. На Земле это заняло бы полдня. Здесь всё шло быстрее, но от этого было только интереснее.

Боли не было. Хуже было сидеть спокойно, когда чужие руки и маленькие аппараты приводили Лиру в порядок перед выходом: убирали следы усталости, выбирали блеск для губ, спорили о форме ногтей, поднимали волосы у лица и говорили, что так "мягче". Я хотел сказать, что мягче мне ни к чему, но посмотрел на Аню и промолчал. Она впервые за много дней сняла с лица постоянную готовность к бою. Сидела в соседнем кресле с маской на лице, листала варианты причёсок и смотрела на меня уже не как напарница в бегах, а как женщина, которая правда пришла в салон не одна.

- Тебе с открытой шеей лучше, - сказала она. - Лицо сразу становится легче, и ты не выглядишь спрятавшимся за волосами.

- Мне от таких слов пока хочется проверить, кто видит шею и откуда по ней можно попасть.

- А мне хочется, чтобы ты хотя бы раз ответил как человек, который сидит в салоне с подругой, - сказала Аня. - Сейчас не надо искать сектор обстрела. Сейчас можно просто сказать, что мне идёт.

Я посмотрел на экран, где Лире примеряли три причёски, и честно попытался.

- Тогда тебе вот эта подходит. Где волосы назад и не лезут в глаза.

- Почему именно эта? - спросила Аня. - Попробуй объяснить нормально, без слов про прицел и обзор.

- Потому что лицо видно спокойнее, волосы не закрывают глаза, и тебе с ней как-то легче. Я не умею говорить про такое красиво, но выглядит правда хорошо.

Аня закрыла глаза и рассмеялась.

- Теперь это похоже на разговор, - сказала она. - Видишь, ты можешь говорить о внешности без карты укрытий и поправки на стрельбу.

- Я сейчас сгорю со стыда, но ты вроде улыбаешься, поэтому будем считать, что польза от меня есть.

- Польза есть, - сказала Аня мягче. - Мне правда важно хоть немного почувствовать себя обычной женщиной, которая пришла в салон не одна.

Когда мастер предложила выбрать цвет покрытия для ногтей, я завис окончательно. В прежней жизни я знал три состояния ногтей: есть, сломан и грязь под ними. Теперь передо мной открыли целую таблицу оттенков, и Аня, кажется, получала от моего лица отдельное удовольствие.

- Бери прозрачный, - сказала она. - Для начала тебе хватит просто аккуратных рук, без попытки сразу что-то доказывать цветом.

- Я бы взял чёрный, потому что он хотя бы выглядит честно и не притворяется нежностью.

- На тебе чёрный сейчас будет смотреться как попытка доказать всем вокруг, что ты опасна, - сказала Аня. - Прозрачный проще: руки ухоженные, но ты никому ничего не объясняешь.

- Ты говоришь так, что это звучит как отдельная наука.

- Я женщина. Мне это знание всю жизнь выдавали по частям.

Я хотел огрызнуться, но понял: ей важно и самой выдохнуть. Ей хотелось пару часов говорить о волосах, ногтях и платьях. Суды, ошейники, корабли и пропавшие друзья могли подождать хотя бы до вечера. Поэтому я кивнул мастеру и согласился на прозрачный. Аня заметила, как тяжело мне это далось, и улыбнулась уже без насмешки.

- И это называется быть настоящей женщиной? - спросил я, когда над моей головой зависли три маленьких аппарата.

Аня повернула голову. Половина лица у неё была закрыта золотистой маской.

- Нет. Это просто быт, который мужчины обычно видят только в готовом виде. Они думают, женщина сама проснулась красивой, сама собой хорошо пахнет, сама собой идёт легко и сама собой улыбается так, чтобы все ахали.

- То есть настоящая женщина - это блистать для других?

- Настоящая женщина - это человек. Просто от женщины чаще ждут, что она ещё и будет красивой и ухоженной. Эти правила можно нарушать. Только сначала их надо знать, чтобы самому решать: где играть, где улыбаться, где показывать зубы.

Я посмотрел на своё отражение. Лира выглядела спокойнее меня.

- Мне не нравится, когда меня учат нравиться.

- Мне тоже, - сказала Аня. - Поэтому я учу тебя выбирать.

После салона Аня повела меня за платьями. Я думал, платье - это просто ткань, в которой трудно бегать. Магазин быстро показал, что я ничего не понимаю. Платья подбирали по походке, плечам, росту, цвету кожи и тому, куда человек собирается идти. Аня выбрала себе тёмно-зелёное платье без лишнего блеска. Оно сидело на ней просто и красиво. Мне она выбрала чёрное, с разрезом у бедра и креплением под скрытую кобуру для маленького бластера на бедре: безопасность никто не отменял.

- Я без оружия в таком месте ходить не собираюсь, - напомнил я. - После суда и ангара мне уже хватило красивой беспомощности.

- Поэтому платье с бедренной кобурой, - сказала Аня. - Маленький бластер прячется под тканью, а разрез даёт быстрый доступ.

- Ты правда давно хотела купить такое платье, чтобы оно было красивым и при этом не мешало достать бластер?

- Я давно хотела надеть красивое платье и при этом не чувствовать себя незащищённой. Она сказала это спокойно, и я больше не спорил.

Вечером мы пошли в бар. Реклама называла его музыкальным лаунжем с танцевальным уровнем, но по сути это была большая дискотека над доками. Внизу за прозрачным полом горели огни причала, астероидный пояс и местное светило. У стен стояли диваны, музыка была в грудь, но разговаривать было можно. На площадке танцевали люди, аграфы и несколько орков.

Я в клубах бывал и раньше. Не каждую неделю, но бывал: пил с друзьями, танцевал, подкатывал к девушкам, иногда удачно, чаще глупо, но это была понятная роль. Мужик подошёл, сказал что-то смешное, получил улыбку или отказ, пережил и пошёл дальше. Сейчас всё было наоборот. Я сидел в платье, с гладкими ногтями, с маленьким бластером под тканью, с грудью Лиры, которую платье не скрывало вообще, и понимал, что теперь подходят ко мне.

Аня посмотрела на танцпол, потом на меня.

- Только не делай лицо человека, которого привели на допрос.

- Я пытаюсь вспомнить, как люди отдыхают, когда у них нет хвоста, суда и чужого корабля в ремонте.

- Вспоминай быстрее. Я сегодня хочу хотя бы пару часов не быть человеком, который только бежит, стреляет и считает выходы. Помоги мне, ладно?

- Ты хочешь, чтобы я сегодня был с тобой нормальной подругой в баре, вместо охранника в платье?

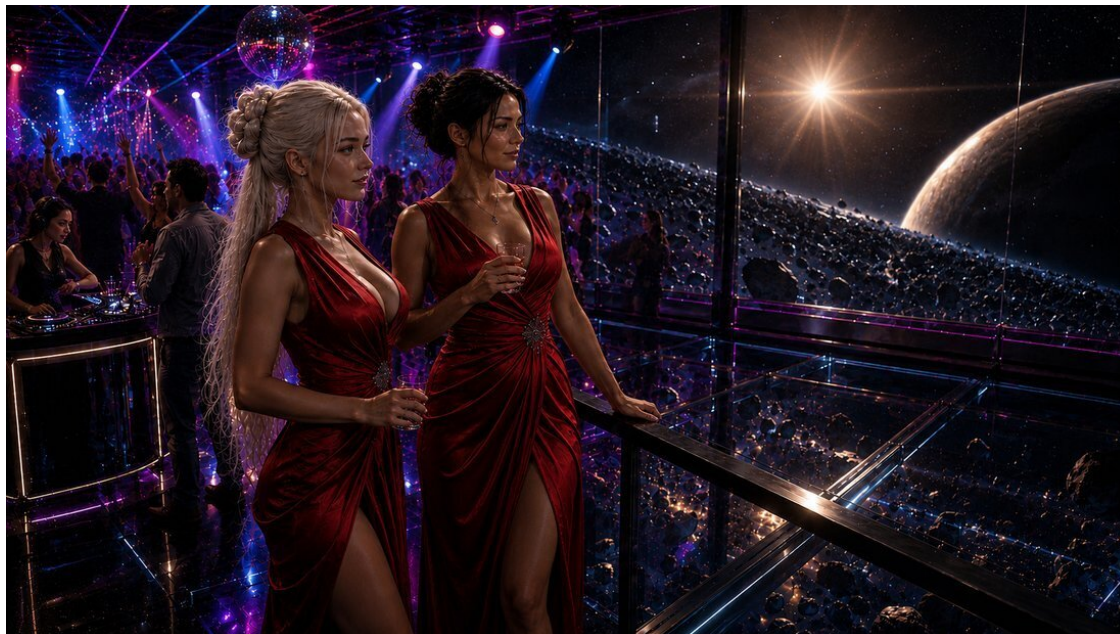
- Да. Просто женщиной, которая пришла со мной отдохнуть.

Я хотел отмахнуться, но увидел, как она держит бокал, смотрит на своё платье и впервые за много дней не ждёт удара. Поэтому я улыбнулся как смог и сказал:

- Ладно, - сказал я. - Сегодня я постараюсь быть твоей подругой, а если начну говорить слишком по-мужски или слишком по-боевому, ты просто пни меня под столом.

- Договорились, - сказала Аня. - Но я всё равно хочу, чтобы ты попробовал пожить этим вечером без постоянного отсчета минут до ухода.

К нашему столику подошли двое мужчин. Первый был высокий, тёмноволосый, в светлой куртке. Второй был ниже, шире и улыбался с готовностью заранее принять отказ. Они не выглядели ни дворянами, ни бандитами. Просто двое мужчин, которые увидели двух женщин в хороших платьях.

- Добрый вечер, - сказал высокий. - Мы с другом долго думали, как подойти и не выглядеть совсем глупо, но лучше честно признаться: вы сегодня самые красивые на этом уровне.

Я почти ответил по старой привычке, как мужик мужику, но вовремя вспомнил, что сейчас он говорит это мне тоже. Аня под столом легко коснулась рукой моей ноги и напомнила без слов: спокойно.

- Можно, - сказала она. - Банальность не страшна, если человек сам понимает, что говорит обычную фразу, и не требует за неё награду.

Низкий рассмеялся.

- Я Тор, а это Дан, - сказал низкий. - Он правда набирался храбрости полчаса, поэтому мы будем благодарны хотя бы за право отойти живыми, если помешали.

- Аня, - сказала Аня. - Это Лира.

Дан кивнул мне без лишних вопросов.

- Просто Лира, - сказал я. - И лучше без красивых прозвищ, потому что я сегодня учусь разговаривать спокойно и не хочу провалить урок на первом же обращении.

Тор поднял руки.

- Тогда без прозвищ, - сказал он. - Мы можем угостить вас напитками, а если не хотите, просто отойдем к стойке и будем считать, что попытка была достойной.

Они отошли к стойке. Я проводил их взглядом уже без злости, но с неприятным чувством: раньше я сам оценивал девушек с друзьями, считал, кто улыбнулся, кто отвернулся, кто "ломается", а теперь вдруг оказался на другой стороне баррикады. Это было неудобно, как чужая обувь, которая каким-то чудом оказалась в пору.

- Ты нормально держишься, - тихо сказала Аня. - Я вижу, что тебе непривычно, но ты хотя бы не огрызаешься на каждого, кто посмотрел в нашу сторону.

- Я раньше думал, что умею вести себя на дискотеке, - сказал я. - Просто раньше я был тем, кто подходит, а теперь сижу и жду, когда подойдут ко мне.

- Ты и умеешь. Просто теперь другая сторона танцпола.

- Она очень неудобная, - сказал я. - Я понимаю правила и всё равно чувствую себя игроком в чужой команде.

- Иногда на этой стороне тоже бывает хорошо, - сказала Аня. - Особенно если рядом нормальные люди и ты сам решаешь, что тебе можно.

- Я попробую ради тебя, - сказал я. - Сегодня ты правда заслужила вечер без моего кислого лица.

Когда Дан вернулся с напитками, Аня приняла свой бокал, мой поставила передо мной и улыбнулась.

- Спасибо. Мы сегодня просто отдыхаем, без продолжения и без личных экскурсий по станции.

Дан кивнул без обиды. Пить я, конечно же, не стал: после снотворного в бокале доверие к бесплатным напиткам у меня умерло надолго.

- Тогда начнём с малого, - сказал Дан. - Один танец, потом ещё один, если мы не окажемся совсем скучными. А завтра, если встретимся на станции, поздороваемся и сделаем вид, что ведём себя прилично.

- Один танец возможен, - сказала Аня. - Второй надо заслужить.

Тор поднял свой бокал в знак принятия правил игры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.